

Константин КУРАЛЕНЯ

Казна Империи

книга 3 серия Великое кочевье

Константин Кураленя

Казна Империи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61650183

SelfPub; 2020

Аннотация

Герой романа «Казна империи» Андрей Громов в надежде на встречу с Луизой попадает в «другое» прошлое. Вместо 1920-х годов – в начало 1930-х. Не по своей воле оказывается на строительстве города Комсомольска-на-Амуре. Вместе с Громовым мы побываем на одном из участков строительства будущей железнодорожной линии, связывающей город юности с Хабаровском, прикоснёмся к тайне сокровищ исчезнувшей империи чжурчжэней, которые много веков хранила пещера в горах Синего хребта. Это совсем рядом с уникальным озером Болонь, в центре которого расположен потухший вулкан...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

133

Константин Кураленя

Казна Империи

СТАРЫЕ ДНЕВНИКИ. Вступление к публикации третьей тетради

Что такое? – скажете вы, – Неужели приключения не закончились? До каких пор ты будешь таскаться на этот Шаман и будоражить наше воображение? И будете правы. Потому что лишь два месяца назад я и думать не мог, что моя жизнь вновь круто переменится. Но жизнь предполагает, а Бог располагает. Вернувшись в год 1987-й из огня братоубийственной войны, которую советские историки назовут Гражданской, я затосковал. На строительной площадке задымили печными трубами первые жилые коттеджи. На стройке наступило некоторое оживление. «Наконец-то Родина по достоинству оценила наш самоотверженный труд!» – думали мы, захлёбываясь наивными слюнями патриотического умиления, не задумываясь о том, что так бывает, когда тяжело больной человек, перед тем как окончательно переселиться в мир иной, на несколько часов оживает и чувствует себя молодым и здоровым. Ожила и наша стройка, но ненадолго, это была её предсмертная агония. Но об этом я расскажу немного попозже, а сейчас я ехал в столыпинском вагоне и от нечего делать прислушивался к разговору в соседнем купе...

Глава 1. С НОВА УЗНАЮ КТО Я?

Железнодорожный вагон, в среде российских обывателей называемый «теплушкой», а в нашей – вагзаком, отвратительно брякал и жалобно стонал всеми своими разболтанными частями каждый раз, когда колёса гремели по рельсовым стыкам. А так как колёса у вагона были железными и амортизации практически никакой, то вполне естественно, что моя многострадальная головушка нещадно моталась из стороны в сторону. Я сидел, откинувшись на дощатую стенку, и лениво прислушивался к неторопливому трёпу своих новых попутчиков. Торопиться мне было некуда. Там, где я находился на этот раз, время течёт совершенно по-особому, можно сказать, что оно даже не течёт, а еле-еле журчит, натужно перекладывая листы календаря.

– Неужто там людей хороших нет? – вопрошал испуганно-жалобный голос.

– Не встречал, – последовал ленивый ответ.

– Но ведь в народе говорят, что мир не без добрых людей, – продолжает нудить тот же голос. – Там ведь тоже люди живут.

– Куда везут нас, добрых людей нет. Там чтят только два закона. Воровской – это самый важный, и Уголовный кодекс – это для фраерков вроде тебя. А по какому из них жить, решать должен ты сам.

– А по какому лучше?

– Ну, ты, фраерок, даёшь! Тебе тут что, ликбез? – отве-

тил возмущённый голос вертлявого вора по кличке Интеллигент. – Это на вокзале справочное бюро бесплатно, а здесь нянек нету.

–

Я отблагодарю, – послышался стыдливый шёпот.

–

На кой чёрт мне твои благодарности. Вон вертухаи хамовки не дают уже два часа, так что с голоду окочуриться можно, а ты «отблагодарю», – возмущение вора было вполне натуральным.

Послышался затаённый ворох чего-то текстильнобумажного. После этого раздалось довольное чавканье, и подобревший голос продолжил:

–

Жить следует по нашему закону, по воровскому. Тогда тебе и харч с чифирём, и место на хороших нарах, и почёт и уважение братвы.

Ещё полчаса я не мог уснуть и слушал эту галиматью, при помощи которой бывалые уголовники набирали себе рекрутов или рабов – это уж как будет угодно. Я внутренне улыбнулся, когда услышал продолжение беседы.

–

Говорят, что как-то по-особому себя надо вести, когда попадаешь туда первый раз.

–

Это само собой, – солидно подтвердил Интеллигент. – По-

казать себя надо. А так какое уважение? Люди должны сразу определить, какой ты масти.

—

Ну да, ну да, — поддакнул благодарный слушатель. — А что надо делать?

Я слегка приоткрыл глаз и сквозь прищуренные веки посмотрел на собеседника молодого налётчика. Так и есть, пожилой ростовщик еврей. Тщедушный, узкогрудый, ростика ниже среднего, с обильными залысинами и кучеряшками над ушами, он походил на подростка-старичка. В своём деле ростовщика-перекупщика он может быть и профи, а вот в жизни среди волков полный ноль. Сел на нары за какие-то не вовремя сданные народу цацки.

Похоже, представитель многострадального народа впухает. И это будет не та пятёрка, которой он отделался по справедливому решению пролетарского суда.

—

Да всё очень просто. Привезут тебя к «хозяину». Веди себя независимо. Но нет, конечно, в морду не плюй. Просто поставь себя так, чтобы определил он тебя к ворам. А там, как только на «хату» попадёшь, сразу же с порога и базлай: «здорово мол, козы морды, принимайте нового арестанта. Да место мне предоставьте поближе ко всем удобствам. Не привык я себя шибко утруждать».

—

Какие же в камере удобства? — недоумевает бывший ро-

стовщик.

—

Чудак человек, — снисходительно цвыркает сквозь зубы Интеллигент. — Рукомойник, угол потеплее. Параша чтобы рядом была.

—

А не побьют, ведь их же там много?

—

Ну, ты, чувак, даёшь! Силу везде уважают, а так за какого-нибудь приبلудного держать станут. Вот тогда тебе действительно на очко никогда не пофартит.

Купе едва сдерживалось от приступов смеха. Даже конвоиры, улыбаясь, покачивали головами. Какое-никакое, а развлечение в унылой подневольной жизни. И никто даже не удосужился подумать о том, что сейчас эти, так называемые советы, подписывают доверчивому еврею «вышку» или, на худой конец, должность вечного «шныря» и место под нарами.

Мне стало жаль представителя народа Израилева. За то недолгое время нахождения в застенках я усвоил три железных правила арестанта: не бойся, не проси, не плачь. Здесь каждый выживал, как мог. Было ещё правило — не встречай, куда тебя не просят. Перечислять остальные я не хочу — просто лень. Но на душе было так тоскливо, хоть волком вой. Может быть, поэтому я и нарушил одно из этих правил, следствием чего явилась цепь событий, вовлёкших меня в череду

закономерных случайностей.

–

Эй, Абрам? – махнул я еврею рукой.

Тот испуганно вздрогнул и, подслеповато прищурившись, посмотрел в мою сторону.

–

Я Сруль, – пытаюсь поймать остатки разбегающегося достоинства, пролепетал он.

–

Сруль, конечно, достойное еврейское имя, но это там у вас в синагоге. А здесь ты будь Абрамом. Русский язык многообразен в своих понятиях. А нары не то место, где можно гордиться мудростью отцов, давших нам имена. Так я не понял, ты подойдёшь или нет?

Тот согласно затряс головой и направился к нам.

Я сказал «к нам», потому что не успел поведать раньше о том, что рядом сидели такие же, как и я, осуждённые военнослужащие: я, бывший выпускник пулемётных курсов Андрей Громов, кавалерийский командир эскадрона Селютин, два молодых сталинских сокола и пожилой комбриг товарищ Полторак. Поэтому прочая бродяжня старалась лишний раз с нами не связываться. Да мы и сами не нарывались.

– Эй, пулемётчик, ты чё в натуре? – опомнился карманник.

– Ваш регламент окончен, – мило оскалил я зубы и вопросительно, из-под ресниц, взглянул на комбрига. Пожи-

лой, сухопарый, с иссечённым ранними морщинами лицом, бывший командир кавалерийской бригады, а теперь враг народа согласно кивнул головой. Хочу сказать, что, несмотря на видимое перемирие, обстановка в спецвагоне была накалена. Блатные, как и коммунисты, да и вообще представители какой-либо политической партии, не могут терпеть многопартийности. Поэтому мелкие стычки бывали и чаще, но развязка близилась.

Недоверчиво шмыгая носом, Абрам-Сруль приблизился ко мне.

– Вы что-то с меня хотели? – культурно поинтересовался он.

– Абраша, здесь тюрьма и не надо быть таким доверчивым. На зонах в местах общего пользования живут отщепенцы и мужчины лёгкого поведения. А слова, которыми вас учили поздороваться, это некрасивые слова, и за них очень больно бьют лицо, а иногда и убивают до самой смерти.

Глаза еврея поползли вверх.

– За что? Что плохого сделал бедный еврей?

– Просто здесь так шутят. В тюрьме любят весело пошутить. До смерти обхохочешься. Верно, Интеллигент?

– Он над нами издевается! – бросился Интеллигент к законнику Прохору. – Прохор, позволь я его на куски порву!

– Цыц, сявка! Разве ты не видишь, что граждане военные исполняют свой долг: защищают обиженных и угнетённых там, куда их послал наш дорогой и любимый товарищ Ста-

лин. Пускай потешатся, а мы погодим, – он демонстративно поковырял в ухе и, брезгливо посмотрев на палец, обтёр его о волосы одного из сидевших у его ног шестёрк.

– Какой я идиёт, какой я идиёт, – сокрушённо повторял еврей.

– Не переживайте вы так, любезный, – посоветовал комбриг. – Вы не одиноки в своём несчастье, здесь нет нормальных людей.

– А вы?

– Если брать по званию, то самый главный идиот в теплушке – это я. Ну, а уж в масштабах всего железнодорожного состава или страны, то тут вы уж сами догадайтесь, – тихим голосом добавил он.

К вечеру вокруг нашего небольшого коллектива сформировалось уже вполне солидное ядро из инженеров, рабочих и прочего люда, на собственной шкуре убедившегося в том, что воровской закон не считается с индивидуальными особенностями личности.

– Ну, теперь хоть по очереди можно будет поспать спокойно, – удовлетворённо вздохнул комбриг. – А вы всё-таки молодчина, пулемётчик... тьфу ты, как вас там?

– Младший лейтенант Громов. Два месяца назад окончил Харьковские пулемётные курсы. Следовал к месту расположения части в Гродеково.

– Можете не продолжать, – оборвал он меня. – Все мы здесь не по своей воле. Ошибка, – подмигнул он и повернул-

ся на другой бок. – А болтун это кто? – закончил он уже оттуда.

– Находка для шпиона, – продолжил я фразу.

Понемногу вагон, где следовали к местам заключения законно осуждённые, впал в тяжёлый смрадный сон.

Я лежал на спине и бездумно разглядывал невидимый в темноте потолок. Вот ведь влип так влип! Сколько раз я приказывал себе даже не смотреть в сторону Шамана. Дёрнул же чёрт! «А может, я сейчас попаду к своей Луизе!» – передразнил я себя. Вот и попал, но только в тридцать третий год. Хорошо ещё, что не в тридцать седьмой. А сколько ей, интересно, сейчас лет? Получается – тридцать два года! А мне – двадцать восемь. История знала браки и покруче. Какая к чёрту история! Она моя законная супруга перед Богом и людьми.

Я вспомнил шанхайскую православную церковь, и моё сердце непроизвольно сбилось на ускоренный ритм. Страстные объятия, поцелуи и прочие нежности Луизы, о которых в окружении нескольких десятков немых мужиков даже и думать нельзя, чтобы, не дай Бог, пошлая грязь похабных помыслов не коснулась её нежного образа. Но истосковавшемуся сердцу не прикажешь.

Приятная полудрёма обволакивала меня, и я уже ничего не мог с собой поделаться. И вот уже мчимся с Луизой по песку нашего острова и на ходу сбрасываем с себя жалкие остатки одежды. Вот и вода. Брызги плещут мне в лицо с такой силой,

что я невольно открываю глаза...

За последние дни я привык к стольким неожиданностям, что, машинально успеваю увернуться от блеснувшего перед глазами предмета. Вижу склоняющуюся ко мне физиономию, хватаюсь за кадык чей-то небритой шеи и что есть сил рву его на себя. Раздаётся неприятный хруст, затем нечеловеческий вопль, и меня всего заливают тёплой и липкой жидкостью. Я уже окончательно проснулся и понимаю, что эта жидкость не что иное, как кровь.

Готовый к новой атаке, я сбрасываю с себя ставшее безвольным тело и соскакиваю на пол... Но вокруг пусто и никто нападать не собирается.

Сквозь прутья решёток по нашим кубрикам уже носятся лучи фонарей.

—

Всем на пол! Всем на пол! — разносятся крики вертухаев.

И совсем неожиданно я оказываюсь в центре внимания. На мне, как на вражеском мессершмите в ночном небе, скрещиваются лучи карманных фонариков. Наступает мёртвая тишина.

Я прекрасно понимаю, что причина этой тишины я. Моя правая рука продолжает сжимать в руках кусок плоти. Я подношу её к глазам и брезгливо отбрасываю прочь. Кусок вырванной трахеи с неприятным чмоканьем мягко падает на судорожно дёргающееся тело моего недавнего врага — молодого налётчика, носившего кличку Интеллигент.

Я выругался и сплюнул от отвращения к самому себе. Что-то, а вырывать из тела куски мяса мне ещё не доводилось. Мне его было совершенно не жаль. Он пришёл взять мою жизнь, а отдал свою. Баш на баш – третьего не дано. Этот мир изгоев и отщепенцев предполагал волчьи законы общения. И против своей воли я стал к ним привыкать.

–

Вурдалак! – заметались возгласы из одного конца вагона в другой.

– На пол! Быстро на пол! – опомнились вертухаи.

Я спокойно выбираю место на полу где нет крови и, заложив руки за голову, укладываюсь вниз лицом. «Ещё один крутой поворот в моём путешествии», – успеваю подумать я и, получив удар по голове, погружаюсь в темноту.

И снова мне снилась Луиза. Но только на этот раз я прибыл из пулемётной школы на станцию Гродеково не один, а вместе с ней. Стоял тёплый летний день. Перед тем как пойти «сдаться» командованию части мы решили ещё немного побыть вдвоём. В уютном ресторанчике нас обслужили быстро и по первому разряду. Ещё бы, молодой лейтенант с орденом Боевого Красного Знамени на груди. Однако, осмотревшись получше, заметил, что всеобщее внимание привлекает не моя персона, а ослепительная красота моей спутницы.

Просидели мы в ресторане около двух часов. Но, что такое время для влюблённых? Я смотрел в глаза любимой и

вспоминал все наши приключения в далёком восемнадцатом году. Вернее, островную и самую беззаботную их часть. Мои взгляды были предельно откровенными, а Луиза, всё понимая, не пыталась спрятать от меня своих очаровательных глаз.

—

Ваши документы, товарищ младший лейтенант? — самым бессовестным образом была нарушена эта идиллия.

Я обернулся. Нарушитель нашего покоя стоял, раскачиваясь с пяток на носки, заложив руки за спину, похотливо тарасился на моё сокровище. Его гаденькая ухмылочка уже снимала с её прекрасного тела последнюю деталь женского туалета. За спиной у хама топтались ещё двое из военного патруля. Нашивки ядовитого цвета под его лейтенантскими кубарями сообщали о том, что он принадлежит к всесильной и карающей организации ОГПУ.

Я понял, что парень жаждет неприятностей и попытался уладить всё миром.

—

Послушай лейтенант, всего несколько минут и мы докушаем мороженое, а потом...

Есть такая порода людей, которые всяческим способом желают возвыситься за счёт унижения других. В детстве, как правило, они часто болели, во дворе их нещадно притеснял какой-нибудь сорвиголова. В более старшем возрасте на них совершенно не обращал внимания слабый пол... И вот, по-

лучена вожделённая власть над людьми – «Ну, теперь вы у меня попляшете!»

– Документ-ты! – его растопыренная пятерня чуть не уткнулась мне в нос.

Хорошо, что реакция не подвела меня и на этот раз, и я успел отклонить свою голову.

Сидевшие рядом за столиком пограничники заржали.

Видит Бог, я этого не хотел, но если кто ещё помнит, то моя девушка была графиня и её врожденная деликатность терялась перед откровенной наглостью людей, мягко говоря, не вполне интеллигентных. Ну и что, что он в патруле? Просто я органически не переносил, когда Луиза огорчается.

Поэтому в следующее мгновение некультурный товарищ совершил резкий марш-бросок в ближайшие кусты. Причём проделал он это неловко – задом наперёд и вверх ногами. А его товарищи по патрулю, оставив мне на время свои винтовки, помчались посмотреть, что командир делает в кустах. Правда, сделали они это не по доброте душевной и не из любви к своему начальнику, а по моей настойчивой просьбе.

Я же, осторожно прислонив к столу казённое имущество, направился по своим делам. Да и время уже поджимало. По пути я неожиданно заметил, что рядом со мной нет любимой. Такого не могло быть! И тут я с досадой хлопнул себя по лбу – она же в Лондоне!..

Резкая боль расколола мою голову, и я очнулся...

Я лежал на затоптанном полу одиночной клетки- карцера

арестантского вагона. И первой моей мыслью было: откуда в Гродеково взялась Луиза?

Затем всё стало на свои места. Это просто явь перепуталась со сном. Луиза, в который уже раз, своим неожиданным появлением в моём сознании спасла мне жизнь. Лежать бы мне сейчас на вагонной полке с заточкой в горле. Воистину моя любовь стала для меня ангелом-хранителем.

Тогда в Гродеково всё начиналось и закончилось совсем по-другому. Я, как добропорядочный гражданин, привёл и сдал оболтусов из патруля в комендатуру. Но вместо бурных рукоплесканий и радостных похлопываний по плечам меня привлекли к ответственности. А на месте Луизы была совершенно другая девушка – просто случайная попутчица по долгой дороге на Дальний Восток.

Что такое драка с патрулём? По армейским меркам плёвое дело. В незабываемом городе на Неве мне за подобные шалости в далёком тысяча девятьсот восемьдесят третьем году вломили пять суток гауптвахты. И я чин-чинарём отсидел их на гарнизонной губе, на улице Садовой номер три. Но, как видимо, иные времена, иные нравы.

Сопляк-огэпэушник написал рапорт прокурору. Причинённую ему обиду его коллеги оценили в пять лет лагерей. И это благодаря тому, что шёл всего лишь тридцать третий год. Немногим позже мне светило бы клеймо «враг народа» и, возможно, даже вышка. А так дали всего пятёрочку. Но, правда, по обычной уголовной статье за драку, и отправили

исправлять свои ошибки вместе с уголовниками и прочим арестантским людом в места не столь отдалённые. А вот теперь за жмурика Интеллигента добавят срок. И никто не посмотрит, что я оборонялся.

До самого Хабаровска я добирался в «одиночке». Я стал местной достопримечательностью. На меня охранники ходили смотреть как на Никулина. Ещё бы, вурдалака поймали. Наручников с меня не снимали, и даже на баржу в Хабаровске заводили в них. Там я и узнал, что сидеть мне не пять, а двенадцать лет. В то время суды работали более расторопно, стране были нужны дармовые рабочие руки и наученное чужим примером покорное серое стадо.

Ну ничего, мне бы только скорее до Шаман-горы добратся.

Половину зэков из нашего вагона отправили по разным леспромхозам и приискам, но наша пятёрка сохранилась, и мы узнали, в каком именно месте Родины требуется наш труд. В трюме баржи я встретился со всеми. Она двигалась вниз по Амуру на новую комсомольско-молодёжную стройку. Нас везли строить город моей юности – Комсомольск-на-Амуре.

Неисповедимы пути твои Господи. И зачем я только вновь поглядел на Шаман-гору? С одной комсомольско-молодёжной стройки попал на другую, где, возможно, в ударном труде преждевременно окончу дни свои.

Глава 2. МОЙ АДРЕС: АМУРЛАГ

Выгодное это дело – строить светлое будущее за счёт дармового труда деклассированного элемента. Госхозяйству прибыль, и неугодные власти людишки под присмотром. Глядя на всё, что происходит вокруг, я поневоле стал подумывать, что построение коммунизма в отдельно взятом государстве всё же возможно. Но под неусыпным оком умных вождей и на территории, многократно опутанной колючей проволокой и окружённой частоколом штыков. Это для того чтобы, не дай Бог, какой-нибудь ополоумевший от коммунистического счастья не вздумал сбежать.

Ещё при посадке на баржу более опытный комбриг толкнул меня в плечо:

– Не вздумайте в закутках жаться. Обосновываемся под самыми люками.

Лишь позже я смог оценить его совет. В трюмах раскалённой на солнце посудине стояла такая духота, что всем арестантам пришлось раздеваться чуть ли не догола. Но и это не самое страшное. Катастрофически не хватало воздуха.

– Что же вы творите! Люди вы или нет? – неслись крики осуждённых.

В ответ слышалось:

– Мы-то люди, а вот вы – враги народа.

Мне всегда было непонятно стремление неудовлетворённых в своих амбициях людей к садистской жестокости. Может, таким образом они тешат своё извращённое самолюбие? Вот вы там, мол, все шибко умные да бывшие генера-

лы, а нам этого не дано, зато мы вас всех к ногтю. А где же любовь к ближнему? Где сострадание к страждущему? Всё-таки велик в человеке дух уничтожения и жестокости.

Когда задыхающиеся люди стали терять сознание, начальник конвоя сжалился и приказал выводить наверх небольшие партии заключённых, чтобы глотнули свежего воздуха. Но, до нас очередь не успела дойти.

Когда проветривалась третья или четвёртая партия, наверху раздались встревоженные крики и забухали выстрелы.

– Вот идиоты, – проскрипел зубами комбриг. – Никак, побег удумали, стервецы.

Прогремело ещё несколько выстрелов, затем всё утихло.

– Я в тайге белке в глаз бью, а тут и целиться-то не надо, – раздался сквозь открытый люк самодовольный голос.

Через мгновение, подгоняемые прикладами, вниз скатились оставшиеся в живых два человека.

– Задраить люки! – послышалась команда. – Эти скоты гуманного отношения не понимают.

– Что там случилось? – посыпались вопросы.

– Да староверы из раскулаченных ни с того ни с сего конвой растолкали и в воду.

– Ну и?

– Что ну и? Восьмерых на дно отправили. Даже шлюпку спускать не стали.

«Круто, – подумал я. – Что за бал сатаны правится в России-матушке? До какой же степени может обесцениться

жизнь, что проще пустить всех на дно, чем спустить шлюпку и выловить. А старообрядцы на что надеялись?»

– Какой это побег! – Пробормотал Селютин. – Это – самоубийство.

– Куда бежать собрались? – сквозь зубы проскрипел один из заключённых.

– Теперь и нам житья не будет, – глядя, как задраивается наша последняя надежда на свежий воздух, проговорил комбриг.

– Ни себе, ни людям! – зло сплюнул комэск.

– А им уже всё равно, они теперь с архангелами беседы ведут, – покачал головой комбриг.

–

Но ведь это же страшный грех, – прошептал так и прижившийся рядом с нами Сруль-Абрам, – Господь самоубийц не прощает.

–

Поэтому и прыгнули, – глубокомысленно изрёк один из сталинских соколов. – Не сами же на себя руки наложили, а от пули погибли.

В переполненном народом помещении становилось невыносимо душно.

–

Они-то, может быть, в рай попадут, – вздохнул комэск, – А вот мы-то уж точно в гиене огненной задохнёмся.

Вечером стало немного легче, и мы забылись тяжёлым

беспокойным сном.

Луиза, как всегда, протягивала мне свои призрачные руки и шептала что-то бессвязное. Я силился дотянуться хоть до кончиков её пальцев и получше расслышать, что она хочет мне сказать. Мне казалось, что если я услышу её голос, то всё встанет на свои места. Кончится этот кошмар, и я обрету то, о чём мечтал.

–

Повернулись! – привела меня в чувство чья-то команда.

Все арестанты дружно перевернулись на другой бок. А Луиза так и не успела сказать мне того, что хотела. Но мне показалось, что в самое последнее мгновение я кое-что расслышал. И поэтому, закрывая глаза, счастливо улыбнулся. У человека можно отнять всё, но никто не сумеет лишить его мечты.

Не хочется вспоминать все дальнейшие кошмары нашего пути. Скажу только, что каждое утро созданная похоронная команда вытягивала наверх несколько окоченевших за ночь трупов.

– Как когда-то на Волге, – сказал как-то комбриг.

Мы вопросительно поглядели на него.

–

Попал я в плен к белым. И нас вот таким же макарон сплавляли до Астрахани. А когда наши неожиданным налётом попытались баржу отбить, то конвоиры её потопили.

– А как же вы?

– Половина нас тогда спаслось. Те, кто к люкам ближе всего были.

И тут я припомнил слова комбрига о том, чтобы мы становились ближе к люкам.

– И что же мы за люди такие? – вздохнул Абрам.

– Русские, – усмехнулся комбриг. – Ни одна нация в мире не питает к своим братьям такой нелюбви, как мы.

Наступила гнетущая тишина. Я в это время блаженно улыбался. Вспоминались слова любимой, а на всё остальное мне было начхать.

Недалеко от нас возникла потасовка. Кстати, такие потасовки были обыденным явлением. И среди трупов, выносимых по утрам, попадались и с колото-резаными ранами, и с пробитыми головами.

Люк над головой ржаво заскрежетал и распахнулся.

– А ну прекращай бузить, не то свинцовый подарочек пришлю! – раздался голос конвоира. – И вообще уже прибыли. Готовьтесь с вещами на выход, – гоготнул он, радуясь своей шутке.

Началась разгрузка. Выводили пятёрками и ставили на колени. И только после тщательного обыска отводили в сторону.

Попав на свежий воздух, я чуть не ослеп от яркого солнечного света.

– Ходи давай! – подтолкнул прикладом конвоир.

Сидя на корточках в толпе обысканных бедолаг, я с инте-

ресом смотрел на берег. Это совершенно чужое место не наводило ни на какие сравнения с моим родным Комсомольском. Дичь и глушь.

– Вы прибыли на Комсомольский пересыльный пункт, – раздался голос начальника конвоя. – В пути следования правила простые: шаг вправо, шаг влево, прыжок вверх – воспринимаются конвоем как попытка к бегству. В таких случаях огонь на поражение открывается без предупреждения. Счастливого пути, граждане бандиты и враги народа!

– Он ещё и шутит, сучонок, – проскрипел зубами комэск. – Попался бы он мне в бою.

– Бросьте, – передёрнул плечами комбриг. – Это он от скудоумия.

И нас повели.

Вокруг бурлила жизнь! Надо отдать должное, везде, где мы проходили, работы велись энергично.

– Во комсомолия даёт! – восторженно произнёс лётчик Сашка. – Даёшь Комсомольск! – задорно крикнул он встречной группе рабочих.

И тут же получил от конвоира по зубам.

– В строю не разговаривать, – сопроводил пояснением свой воспитательный процесс конвоир.

Так всё это было обыденно и буднично, как будто он только что не предал унижению гордое творение природы, а шлёпнул отставшую от стада корову.

– Послушайте, комбриг, – обратился за разъяснениями

Абрам. – Город назвали Комсомольск, так?

– Так.

– Строят его комсомольцы, так?

– Так.

– А что же тогда здесь делает бедный еврей? Я ведь уже давно не юного возраста. Хотя, с другой стороны, мне было бы лестно.

– Дорогой Сруль Исаевич, вы всё очень верно подметили. Но причина до банальности проста. Уже на следующий год после открытия стройки здесь осталось меньше половины добровольцев.

– Неужели-таки повымерли? – всплеснул руками еврей.

– Кое-кто и умер, а остальные полетели в тёплые края.

Климат, видите ли, тут не очень подходящий.

– А я так верил в наши молодые кадры и в энтузиазм освобождённого труда, – искренне огорчился Абрам. – А тогда кто все эти люди? Неужели такие же несчастные, как и мы?

– Ну почему же, есть и вольнонаёмные и вербованные.

Всяких хватает.

–

Колонна, стой! – раздалась откуда-то спереди команда.

– Кажется, прибыли, – облегчённо вздохнул кто-то.

Колонну развернули лицом в одну сторону. Перед строем появился невысокий кривоногий офицер с петлицами ОГПУ.

– Кавалерист, – прошептал комэск.

– Ноги кривые?

– Морда лошадиная.

Шутка была бородатой, но все невольно заулыбались.

Между тем «начальный» человек широко расставил свои кривульки и произнёс:

–

Вы прибыли на комсомольскую пересылку. Порядки у нас строгие, но справедливые.

–

Самые сволочные порядки на всём Дальнем Востоке, – прошептал кто-то у меня за спиной, – даже по нужде просто так не выпустят.

–

Оправление нужды и прочие потребности только по команде, – продолжал комендант пересылки. – Любое слово и приказ администрации – это закон, нарушение которого карается со всей пролетарской строгостью. Всё остальное вам разъяснят на месте. Ведите контингент по баракам, – повернулся он к своей свите.

Баракы встретили нас роем комаров и мух. Но всё же это была не баржа. Место мы заняли в укромном углу. Оказалось, что мир не изменился и за всё надо бороться. Даже за засиженный мухами угол.

–

Послухай, братва, не в хипешь, но эта плацкарта уже занята, – слышался прокуренный, с блатной хрипотцой го-

лос за нашими спинами.

–

Конечно, занята, – спокойно полуобернулся комбриг. – Нами!

– Ну, вы в натуре на шухер нарываетесь, – продолжал сверкать фиксой молодой арестант. – Здесь при каждом отсидках сам Ливер останавливается. Можно сказать, это его личные апартаменты.

– В стране победившего социализма всё общее, – произнёс я внушительно, – а тем более цугундер. Уж этой-то жилплощади государству для своих подданных не жалко. Интересно, как тут мог проживать на прошлых отсидках Ливер, если город начали строить всего лишь год назад?

– А что, гражданин Ливер и сейчас здесь? – поинтересовался комбриг.

– Стал бы я с вами базлать, – ловко сплюнул на пол фиксатый.

– Вы, пожалуйста, извинитесь за нас перед этим гражданином, – продолжил комбриг, – и попросите его на этот раз подыскать себе другое место.

Фиксатый от неожиданной наглости оппонентов на несколько мгновений остолбенел. А мне данная ситуация напомнила далёкий восемнадцатый год, когда шайка пьяных анархистов пыталась выселить нас из купе.

– Э, ханурики, вы никак меня только что послали на ... ? – ляпнул он первое, что пришло на ум.

– Какой догадливый, – притворно удивился комэск.

– Доброго пути тебе, парень, – подтвердил я указанное направление.

Несколько минут урка высказывался на непереводаемом лагерном фольклоре. Смысл его речи сводился к тому, что он имел беспорядочные половые связи со всеми нашими родственниками и даже домашними животными, а мы попали, и очень круто.

Его словоблудие прекратил лётчик Саша.

– Слушай. Надоел. Все полы тут слюнями забрызгал, – и мощной правой отправил парламентаря за приграничную территорию.

– Политические наших бьют! – раздался истошный вопль одного из урок.

– Врагов народа на перо! – поддержали его другие.

Что тут началось! Дрались все. В наносимые по челюстям и рёбрам удары каждый вкладывал всю накопившуюся за время нечеловеческих унижений и мытарств злость.

Мы стояли стеной. Один лишь Абрам в силу своей сугубо гражданской профессии не мог принимать участия в боевых действиях. Но он оказался незаменим в группе поддержки, и его меткие высказывания выводили врага из себя и слепо бросали на наши кулаки.

– Мать вашу перемать! – растерянные крики конвойных только подзадорили беснующуюся орду. И драка вошла во вторую фазу. Ввиду того, что все колюще-режущие предме-

ты были предусмотрительно изъяты, в бой вступила тяжёлая артиллерия в виде досок от нар и прочего подручного материала.

Это надо было видеть! Только русский человек может так самозабвенно снимать накопившийся стресс. Все свои невысказанные обиды и ненависть к прошлым вынесенным унижениям и страхам арестанты выплёскивали на себе подобных.

Но конвой тоже был не лыком шит. Опыт в подобных мероприятиях, похоже, имел. Забухали выстрелы. С потолка и стен в разные стороны полетели щепки.

– На пол, сволочи! Следующий залп будет ваш! – раздался усиленный рупором голос.

Толпа словно нехотя стала валиться на залитую кровью и соплями землю. Когда все дышали носом в пол, в бой вступила лёгкая кавалерия. Злые надзиратели под прикрытием своих товарищей с оружием ворвались в барак и стали учить уму-разуму всех, кто попадал под горячую руку. Досталось и мне. Итогом сражения явились несколько вытащенных на улицу тел и наше окончательное закрепление на занимаемых рубежах.

Фиксатый, зияя тёмным провалом на месте бывшей фиксы, прошепелявил:

– Ну, суки политические, умоетесь ещё кровушкой. И ты, Вурдалак, попомни, братва измен не прощает.

Ого! Меня, оказывается, неплохо знают. А каких измен?

Ах да, я ведь сижу по обычной уголовной «баклан-ке»! Значит, по всем понятиям должен был встать на сторону правильных пацанов.

—

Чегой-то ты там просипилявил? — притворно приставил ладонь к уху лётчик Сашка. — Иди сначала зубы вставь, а потом милости просим на переговоры.

После этой стычки население барака разделилось на два лагеря. Все нормальные мужики переселились в нашу половину, а блатные обосновались под крылом Ливера и его подручных. В бараке наступило временное перемирие.

Руководство пересылки, опасаясь, что возникшие противоречия перерастут в настоящую войну, постаралось как можно быстрее отправить нас по лагерям.

Таким образом, через неделю я оказался в четвёртом отделении Дальлага. Вместе со мной в этот лагерь попали лишь один лихой рубака Селютин да еврейский человек Сруль-Абрам. Остальных арестантская судьба разбросала кого куда. Кого в Нижнеамурлаг, кого в БАМлаг, кого на Сахалин.

За ту неделю, что я пробыл на пересылке, мне стало понятно, что весь Дальний Восток стал социалистическим раем за колючей проволокой. Всевозможные лагпункты, зоны и команды плотной паутиной опутали таёжные просторы.

Во времена заселения Амура, чтобы заманить в этот суровый край охочих людей, из казны выдавались деньги на подъём хозяйства и прочие нужды. Если Муравьёв-Амур-

ский давал казачьи вольности и льготы для того, чтобы было кому поднимать и оберегать российские окраины, то новая власть решила вопрос освоения Дальнего Востока очень просто. Она вывезла на окраины страны инакомыслящих и неугодных. Здесь за пайку хлеба они строили светлое будущее для тех, кто во всём был согласен со своими гениальными вождями.

Начинался очередной этап заселения Дальнего Востока – социалистический.

Глава 3. ВУРДАЛАК СДАЁТ ЭКЗАМЕН

Четвёртое отделение Дальлага находилось в районе улицы, которая в наше время называется Гаражной. Своё название она получила из-за гаражей, которые располагались недалеко от лагеря.

Началась моя жизнь на очередной в моей судьбе комсомольско-молодёжной стройке. Только не было здесь ни корреспондентки Юлечки, ни интервью, ни прочих помпезно-фанфарных атрибутов моего времени. Был рабский подневольный труд за миску баланды и кусок хлеба- чернухи. Все работы были ручными, но продвигались не в пример быстрее, чем на моей прошлой стройке. Стимулы и поощрения раскрепощённого труда были совершенно разными.

Определили меня на строительство первого в строящемся городе клуба-театра имени 16-летия Октября. Находился он тут же на улице Гаражной в нескольких сотнях метрах от нашего лагеря.

–

Эй, Вурдалак, иди, тебя там бугор в каптёрке ждёт, – как-то перед обедом подошёл ко мне один из эзков, а на ухо прошептал: – Смотри осторожнее, чего-то там блатные колготятся.

Я сунул под штанину гвоздь-двухсотку и независимой походкой направился к каптёрке бугра. Бугор на зоне – это величина. Его волей решаются судьбы людей, которые по той или иной причине ещё не успели умереть. Может на такую работу определить, что через месяц вынесут вперёд ногами и прикопают тут же рядом на лагерном кладбище. А может и наоборот.

Едва я вошёл в каптёрку, как всё стало ясно. На меня с весёлой злостью пялился Фиксатый.

–

Чё, братело, думал, спрятался? А я вот специально ногу проковырял, чтобы вместо этапа на больничку попасть да с тобой, сучонком, поквитаться. А ещё желаю, чтобы люди знали, что ты за гнида.

Фиксатый не сдерживал ликующей радости. Восстановленная фикса торжествующе сверкала при каждом его слове.

–

Неужели настоящее? – я пальцем указал на новенькую фикса. – А вообще-то навряд ли. Откуда у такого говнюка может быть золото? Скорее всего, рандоль. Ну, ничего, значит, ещё найдёшь.

Свою речь я закончил ударом каблука в челюсть слишком мстительного товарища. Тот нелепо взмахнул руками и, оторвавшись от пола, покинул помещение головою вперёд.

—

Назад! – осадил бугор сорвавшихся с места шестёрок. – Щепа своё слово сказал, Вурдалак – своё. Поглядим, чьё пересилит.

«О, так моего визави на самом деле кличут Щепа», – усмехнулся я про себя.

—

Нехай кровью решают, кто из них прав, – поддакнул один из зэков.

Это хорошо, – подумал я, – значит, поединок будет рыцарский – один на один. Хотя слишком обольщаться не стоит. В любой момент вся эта свора может сорваться, и тогда мои шансы упадут до самого что ни на есть нуля».

В это время из-за дверей показалась разъяренная физиономия Щепы. Несмотря на то, что на красной щеке паренька явственно отпечатался след от грязного каблука моего сапога, боевого задора он не растерял.

—

Ах, ты падла! – «похвастался» он уже двумя прорехами в своём рту.

В его руке сверкало лезвие красивого ножичка. Сразу видно, изделие готовили не для парадных выходов, а для дела. Кого по глазам полоснуть, кого на кончик пера посадить. В

общем, серьёзная тычина.

Щепа повёл себя довольно-таки осмотрительно. Видимо, причиной тому – моя былая слава кровожадного вурдалака. Он не стал ругаться матом и обзывать меня всякими нехорошими словами. Наверное, не хотел обижать меня перед смертью. Вместо этого он пригнулся чуть ли не до земли и ловкими движениями профессионала, перекидывая нож из одной руки в другую, двинулся ко мне. Если, читая эти строки, вам могло показаться, что всё это происходило как в замедленной киносъёмке, то отнюдь нет. Всё происходило быстро и слаженно.

Народ в каптёрке раздвинулся по сторонам, а я извлёк своё единственное оружие – гвоздь. Увидев, чем я собираюсь его напугать, Щепа ослабился. Да так снисходительно, что мне стало очень обидно.

Наверное, ему не следовало так поступать. Я всегда болезненно реагирую на насмешки в свой адрес. Кроме того, сержант в далёком 1982 году не учил его тому, что в оружие можно превратить любой предмет. Главное, чтобы ты очень хотел выжить. Я хотел. Поэтому и не стал делать красивых жестов и угрожающе крутить гвоздём перед носом у противника. Я не стал кричать «кийя-а-а!» и прочей дилетантской дребедени. Я некрасивым движением отправил своё оружие в сторону ухмыляющейся рожи. Стены каптёрки всколыхнулись от вздоха разочарования. Но не оттого, что я промахнулся, а наоборот. Гвоздь пробил глазное яблоко и вышел из

затылка нехорошего Щепы. По инерции он сделал ещё пару шагов, но его мозг уже умер, к тому же гвоздь был ржавый, а это, как известно, приводит к заражению крови. Финита ля комедия. Выноси готовенького.

Урки угрожающе зашевелились. Даже воздух в тесной каптёрке стал тяжёлым и вязким. Я попробовал прикинуть свои шансы на победу, но затем махнул рукой. Сколько смогу, столько и утащу вслед за собой. Но тихий с лёгким акцентом голос неожиданно разрядил возникшее напряжение.

– Ша, граждане арестанты. Всё было по закону. Щепа предьявил, Вурдалак ответил. Фарт ему выпал, живой остался. Значит, и правда его.

Я взглянул на говорившего. Худощавый человек с жёстким лицом, прищурившись, смотрел мне в глаза.

– Живи пока, пулемётчик. Может, на что и сгодишься. А этого в кладку, – человек брезгливо кивнул на труп Щепы и вышел из каптёрки. Вслед за ним потянулись остальные.

Выходит, что не только Коза-Ностра закатывала своих врагов в бетон, наши бандиты это делали ничуть не хуже утончённых европейцев.

– Кто это? – спросил я у бугра, когда мы остались вдвоём.

– Ну, ты даёшь! Это же сам Веня Ростовский, – ухмыльнулся бугор из бывших рассказаченных донцев. – Глянулся ты ему чем-то. Я-то уже думал, что хана тебе, козаче.

– Поживу ещё, – буркнул я, направляясь к выходу.

– Погодь, козаче, – остановил меня голос бугра. – Совет

хочу тебе дать.

– С чего бы это?

– Считай, что понравился ты и мне.

– Давай, – не стал я строить из себя девочку.

– Уходить тебе надо на другой лагерь. Сегодня Веня добрый, а завтра по-другому прикинет. А у Щепы здесь много дружков осталось. По всем раскладам не жилец ты.

– Я что тут по собственному желанию? Как я уйду?

– Сразу видать, что первоходок ты. Способов много, было бы хотение, – хитро прищурился казак. – Думай.

Хорошо сказать думай, а что можно придумать в моём положении? Я рассказал о произошедшем Селютину.

– Да, брат, дела, – протянул озабоченно он. – Уголовные не простят – это факт. И в побег нельзя идти без подготовки, без карты, кругом тайга. Шансы один из ста, что выживешь.

– Бугор намекнул, что как-то можно на другой лагерь сорваться.

– А как не сказал?

– Хитрит чего-то.

– То-то и оно, – протянул комэск, – будем думать. А пока старайся один не ходить.

С этого дня началась игра в оглядки.

Не обращая внимания на людские страсти, земля благоухала. В самом своём пике стоял август месяц. Мы ходили загоревшие, как папуасы. Духота и зной выжимали из работяг последние соки. На строительных площадках и лесопо-

вале с рабочих сходило по семь потов. А вечером в бараке, отбиваясь от наседавшего гнуса, мы слушали истории о мирном былом житье и о дикой случайности, по воле которой судьба уготовила нам нары и каторжный труд.

Наша компания разрослась. В основном это бывшие военные и люди, не желавшие подчиняться воровским законам зоны. И вот я лежу на нарах и, полуприкрыв глаза, слушаю очередную историю из прошлой жизни арестантов.

—

В ноябре, как только выпал снег, давай нас гонять на лыжные марш-броски, – рассказывал бывший командир стрелкового взвода из Де-Кастринского укрепрайона Андрей Воронин.

Кстати, сидел он по 58-й статье за контрагитацию. А где и что он ляпнул не так, красный командир и сам до сих пор понять не мог. Правда, был у него один грешок – переспал несколько раз с женой комиссара роты. А за всё надо платить. Вот и заплатил молодой красавец комвзвода за любовь пятью годами своей жизни.

—

Наш комполка товарищ Романовский ничего не объясняет. Твердит одно и то же: «военная тайна», – продолжал свой рассказ Андрей. – И вот двадцать третьего января тридцать второго года построили весь наш четвёртый Волочаевский полк на плацу, а вместе с нами и артдивизион из второго артполка. Сообщили, что мы походным маршем выдвигаемся

на Де-Кастри.

– Чего ж вас туда? – заинтересовался я.

– Японцы, – заговорщицки ответил Воронин. – Командованию стало известно, что японцы весною затевают в этом районе какую-то пакость. А войск-то здесь кот наплакал. Вот нас полторы тысячи штыков и бросили туда в самые морозы и метели. Чтобы, значит, до ледохода мы могли там оборону наладить.

– Ну и как вы дошли? – продолжал я задавать свои вопросы.

– Дошли. Все в целости и сохранности. Двадцать третьего января вышли, а двадцать третьего февраля были в Де-Кастри. Ни один не поморозился. А ведь шли не налегке. Орудия артдивизиона товарища Хетагурова, обоз с продовольствием и боезапасом. Восемьсот вёрст по торосам и морозу.

– Не вы первые, – вспомнив зимний поход командарма Тряпицына, проговорил я.

– Как это не мы, как это не мы? – загорячился Андрей. – Нам говорили, что до нас ещё никто не ходил.

– Ходил. А был это партизанский командир Яков Тряпицын. В девятнадцатом году он за три недели дошёл до Нижнетамбовского, а на четвёртую уже Циммермановку взял.

– Не знаю никакого такого Тряпицына. Выдумываешь ты всё. Я и про командира-то такого никогда не слышал.

«Я тоже когда-то о нём ничего не слышал, – подумал я, – пока лично не познакомился». Но спорить с Ворониным не

стал. Зачем?

– Был такой командарм, – откуда-то из тёмного угла услышал я слова поддержки.

Мне стало интересно и я попытался узнать голос – сослуживец всё-таки.

– Партизанил я в евонной армии. До самого Николаевска дошли тогда, заняли его. А весной, когда японцы полезли, приказал Тряпицын спалить город.

– И что? Спалили? – посыпались вопросы со всех сторон.

– Спалили, – подтвердил рассказчик. – Дотла спалили, а мирный люд через тайгу на Керби угнали.

– А что дальше было?

– В Керби переворот случился. Командарма Тряпицына вовместях с его любовницей Нинкой и всем штабом расстреляли.

– Это за что же так круто?

– Крови на них невинной шибко много было. Вот и не выдержал народ.

В бараке наступила тишина. Я же думал о превратностях людских судеб. Вот, например, этот мужик из темноты, наверняка мы с ним встречались во время тряпицынского похода. И вот судьба свела нас вновь. Мне стало интересно, а встретив Ивана Зимина, узнал бы я его? Сколько сейчас ему годков? Уже около сорока, наверное.

Память накрыла меня своими лёгкими крыльями и унесла в прошлое.

Если вдуматься, я-то уже четвёртую жизнь живу. А самое большее их, говорят, у кошки – аж семь. Сколько их предстоит прожить мне?

Самое обидное то, что я хотел попасть в прошлое, чтобы вернуть назад свою любовь и друзей, а вместо этого, словно проверяя на прочность, меня бросает из огня да в полымя. И вот теперь я в робе арестанта строю свой родной город.

О строительстве Комсомольска я много читал книг и видел фильмов. Но как всё это далеко от того, с чем я столкнулся на самом деле. Да уж постарались идеологи облагородить прошлое. А может быть, так и надо?

Зачем нам, живущим в счастливом завтра, знать, что наш город стоит не только на энтузиазме комсомольцев-добровольцев, но и на костях безвинно осуждённых и загубленных судьбах поколения тридцатых-сороковых. Поневоле приходит ассоциация с творением Петра – городом на Неве. Стоит ведь красавец, радуется нас своим великолепием. А кто сочитает, сколько людских жизней стало фундаментом этой роскоши?

Постепенно мои мысли перетекают к воспоминаниям более приятным. Луиза, любовь моя, где ты, что с тобой? Ради тебя я вернулся в это суматошное время. Суждено ли нам встретиться?

Мы с Селютиным, надрываясь, тащим бревно. Он шагает впереди, я позади. У меня такое впечатление, что бревно я несу не с Селютиным, а с самим Владимиром Ильичом на

кремлёвском субботнике.

—

Послушай, комэск, — хриплю я ему. — Тебе не кажется, что мы попали на вечный коммунистический субботник.

—

Меньшиков, зараза, гнилое сукно для мундиров закупил, — поворачивает голову Селютин. — Ужо я его, вора, прочу как следует.

От неожиданности бревно валится с моего плеча. Я трясу головой, пытаюсь сбросить наваждение. На меня щерится своими кошачьими усиками сам царь Петр.

— Ваше Величество, — лопочу я.

—

И ты вор, — длинная рука царя обличающе направлена в мою сторону. — Пошто девку-красавицу у меня умыкнул?

—

Не по злому умыслу, по простоте душевной, — оправдываюсь я, не понимая о чём речь.

—

Девка-ягодка постелю бы мою по ночам своим телом согревала, а ты её себя полюбить заставил!

Что за чертовщина? Ещё с царями я за девчонок не спорил.

Наш разговор прерывает выпорхнувшая из розовой дымки Луиза.

—

Люб он мне, мин герц. Только его я быть поклялась пред оком Всевышнего. Не погуби наши души, любви жаждущие.

Я тупо молчу и таращусь на происходящее.

—

Благовари свою заступницу-графинюшку, пёс безродный, — поворачивает ко мне свои усы Петр.

Я валюсь на пол и обнимаю колени графини.

— Всепокорнейше благодарствую, милостивица, — несу я какую-то несусветную чушь.

Луиза склоняется ко мне. Её роскошные локоны мягко щекочут мне губы. Я схожу с ума от аромата, исходящего от её тела.

— Помни наш уговор, — шепчет она. — Как только пройдёшь пятый круг, Бог соединит наши души. А теперь вставай, не время спать.

Я открыл глаза. По телу крупными каплями катил пот. Приснится же такое! Не пойми, что и для чего. А может быть, для чего? О каком пятом круге пыталась мне сказать Луиза? Если это круги ада, то в первом я уже нахожусь. Какими же, интересно, будут остальные?

Мои размышления прервал шорох осторожных шагов. Я насторожился. Уж не по мою ли душу?

Лёгкое поскрипывание приближалось. Я бесшумно скатился с нар и затаился. Точно! Шаги затихли рядом с моей лежанкой. Раздался короткий посвист разрезанного воздуха, и со стуком металл, вошёл в деревянное ложе.

Пока убийца недоумевал, я, ориентируясь по смутному очертанию, приложился ему между ног, а затем кулаком в голову. Раздался сдавленный вскрик, и тело неизвестное покорно сложилось и опустилось на пол.

Я выдернул из нар заточку и похлопал по физиономии отключившегося. В смутном предрассветном мареве я разглядел, как у нападавшего задёргались веки и открылись глаза. Личность была мне не знакома.

– Ты кто? – спросил я его полушёпотом.

– Филька Резак, – так же шёпотом ответил пленник, не отпуская рук от ушибленного места.

– За что же ты меня так не любишь, Филя? Может быть, я у тебя девушку увёл или, может быть, на дискотеке штилеты испачкал?

Филя виновато молчал и учащенно хлопал веками. Его поведение говорило о том, что он раскаялся и готов к сотрудничеству. Вот только не знает с чего начать. Конечно, факту такой дружелюбной покладистости способствовала подставленная под кадык заточка. Но, в конце концов, не это главное, а важно то, что парень всё осознал.

– Начни сначала, – по-отечески посоветовал я ему.

– Приговорённый ты, Вурдалак, – наконец выдохнул Филя. – Братва порешила тебя на ножи поставить.

– И послала для приведения приговора в исполнение тебя,

Резака?

– Стало быть, так, – понуро согласился Филя. – Я ведь тоже подневольный. Куды ж деваться. В этом деле не откажися.

– Что теперь тебе грозит? Заказ-то ты не выполнил.

– Как Веня решит, но хорошего мало.

– Так это Ростовский, что ли? – удивился я. – Ведь он на правилке сам порешил меня не трогать.

– То было сказано, чтобы авторитет правильного вора не уронить. А опосля он дал команду: перекрасившегося братка слить в помои, чтобы другим неповадно было.

Да, серьёзно взялись за меня ребята. А ведь доведут дело до конца, как пить дать доведут. И опять Луиза спасла меня. Что там она про круги говорила? По всему видно, пора на следующий круг перебираться. Только как это сделать?

– Дуёй на свою шконку, – приложился я напоследок по затылку Филя Резака. – Никудышный из тебя резак, так и передай Вене. В следующий раз пускай кого покруче пришлёт.

Филя совсем по-детски шмыгнул носом и припустил в свой угол.

Наступал рассвет нового дня. Доживу ли я до следующего?

Глава 4. ПРИКОСНОВЕНИЕ К ТАЙНЕ

Так я встретил ещё три рассвета. Но, как ни пытался найти выход из создавшейся ситуации, ничего не получалось.

– У меня очень большие связи, молодой человек. Сруль Исаевич многое мог, – со слегка картавым еврейским акцен-

том вещал мне пожилой ростовщик.

А я в который раз подумал, что с таким сугубо еврейским именем очень сложно уживаться в обществе преступного элемента. Ведь этот элемент ничего не смыслит в интернационализме. А лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – это всего лишь набившая оскомину надпись над заголовком газеты «Правда». Куда как ближе и понятнее этим несознательным гражданам, оступившимся и вставшим на скользкий путь порока, был клич «Бей жидов, спасай Россию!».

Но Сруль Исаевич упорно не желал отзываться на новое имя Абрам.

– Я слишком люблю своих маму и папу, – говорил он после очередного инцидента. – Если они дали мне это имя, значит, на то были свои причины. В конце концов, не имя красит человека, а человек имя, – заканчивал он гордо.

– Оно конечно так, – с сомнением качал головой комэск, – но народ здесь слишком тёмный. Он понимает так, как слышит. Да и сложно такое имя чем-либо украсить. В русском языке слова имеют совсем другое значение, чем на иврите.

Но мне нравилось упорство этого наивного и порядочно-го человека. Правда, уже несколько раз пришлось выручать его из различных передраг. Поэтому ко мне он относился с особой симпатией. Сейчас мы вместе с ним месили раствор и поднимали его на второй этаж будущего клуба-театра.

Заговорщицки склонившись к моему уху, он еле слышно

прошептал:

–

Хочу дать вам адреса надёжных людей в разных городах. Если вы скажете, что имеете привет от Сруля Исаевича Заермана, то, будьте уверены, в этих домах вам всегда помогут.

–

А с чего вы взяли, что мне придётся обратиться за помощью?

–

Старый еврей долго живёт на этом свете и кое-что повидал. Вы птица не нашего полёта, и зимовать здесь не станете. И чувствует моё бедное сердце, что вскоре вам непременно понадобится помощь особого рода.

– Например? – заинтересовался я.

– Чистые документы, казначейские знаки.

– Возможно, – уклончиво ответил я.

–

Эти люди могут всё, – авторитетно заявил злостный укрыватель драгоценных изделий.

Я промолчал, но от адресов не отказался. Я ведь и в самом деле, не собирался целых двенадцать лет глядеть на мир через колючую проволоку, даже несмотря на то, что мне выпала честь самому прикоснуться к святой святых – трудиться во имя коммунистического завтра. Которое, уж я-то это знал, не наступит никогда.

–

Заключённый Громов к начальнику лагпункта! – прокричал прибежавший из зоны зэк.

«Ну вот», – почему-то ёкнуло сердце.

–

Жди здесь, вызовут, – остановил меня около дощатой двери конвоир, а сам ушёл по своим делам.

На дверях висела табличка с надписью: «Начальник лагпункта Иваницкий В.П.».

Через несколько минут из дверей выскочил красный, словно рак завхоз. Взглянув на меня, он зло рыкнул:

– Кто такой?

–

Осуждённый Громов. Прибыл по вызову начальника лагпункта.

– Зайди.

Я осторожно приоткрыл двери.

– Заходи, чего крадёшься? – пригласил начальник.

Едва я начал установленное по форме представление, он досадливо махнул рукой.

–

Значит, так, осуждённый Громов, к четырнадцати ноль-ноль с вещами быть в «отстойнике». За вами прибудет конвой из «командировки» Амурлага. Всё.

По дороге к своему бараку я думал о том, что судьба сама решила, как мне быть дальше. Я слышал, что эта «командировка» занималась изыскательскими работами и стро-

ительством ВОЛКа – железной дороги Волоча-евка – Комсомольск. Значит, некоторое время за свою жизнь можно будет не опасаться.

Моё новое место жительства, то есть лагпункт «командировки» Амурлага, располагалось в устье озера Мылки. Доставили туда двадцать человек.

Все «командированные» эки, а это человек триста, прибыли два дня назад и занимались обустройством лагеря. Мы незаметно влились в серые ряды рабочей скотины. То, что я на время избавился от назойливого внимания со стороны урок, было хорошо, но теперь я остался совсем один. Мои друзья остались в четвёртом отделении.

Чтобы вам было немного понятнее, поясню. Когда с лёгкой руки Гамарника в селе Пермском было решено строить судостроительный завод, то весной тридцать второго года вышло несколько постановлений правительства. Эти постановления предполагали бурное и быстрое развитие Дальневосточного региона. В частности, районов в Нижнем и Среднем Амуре. От станции Уруша Забайкальской железной дороги начались изыскательно-подготовительные работы по сооружению железнодорожной магистрали Уруша – Тында – Комсомольск, то есть БАМа. Запланированы были работы и по строительству магистрали Комсомольск – Советская Гавань, а в недалёком будущем – работы по строительству подземных электростанций в районе реки Горин и озера Кизи. Начинались изыскательские работы по проведению неф-

тепловода Сахалин – Комсомольск. Также не за горами было строительство железной дороги Комсомольск – Николаевск-на-Амуре с заходом на мыс Лазарева, откуда под Татарским проливом предполагалось прокопать тоннель на остров Сахалин.

Забегая вперёд, хочу сказать, что все эти работы были в той или иной мере уже начаты и лишь смерть вождя всех народов сломала громадьё этих поистине великих планов. И кто знает, проживи Сталин лет на десять больше, возможно, мы бы увидели лицо Дальнего Востока совершенно иным.

Дальний Восток богат во всём, чего ни коснись: бескрайними просторами, лесом, пушниной, полезными ископаемыми всех видов. Но в одном лишь этот край по-настоящему нищ – людьми. Чтобы претворить в жизнь все проекты вождя требовались рабочие руки – очень много рабочих рук. Рабство пало, крепостное право отменено, где же набраться этих согласных на всё рабочих? А выход очень прост. Всех несогласных и говорливых – за колючую проволоку и на исправительные работы. Так родились рабы социализма. И вот уже в строящемся городе на Амуре появились концлагеря с различными аббревиатурами: Дальлаг, БАМлаг, Амурлаг, Нижнеамурлаг, Новотамбовлаг, и другие, о которых я не знаю. Каждый из них выполнял свои задачи. Это была очередная и самая мощная волна заселения Дальнего Востока.

Итак, в числе двадцати эков, я прибыл в «командировку» Амурлага. Понятия на всех зонах одни – не урони достоин-

ства. Вот этим делом в первое время мне и пришлось заниматься.

Я был наивным, когда полагал, что вести о вынесенном мне приговоре придут в лагерь позже меня. Лагерная почта работает без перебоев. Человек ещё не успеет прийти на зону, а о нём уже знают даже больше, чем он сам, и могут рассказать, где он заныкал махорку на месте своей прежней отсидки. Поэтому едва я переступил порог барака, как наступила подозрительная тишина.

– Это кто ж за господин-товарищ-барин к нам собственной персоной припожаловал? – выкатился из-за нар шоха-юродивый, которых всегда предостаточно в тюрьмах, в лагерях и на пересылках. – Никак, Вурдулачёк – самый што ни на есть головорез и кровопийца.

«Слава летит впереди меня», – насторожился я, но, настраиваясь на рабочий лад, я перебрросил из руки в руку сидорок и с нарочитой весёлостью произнёс:

–

Привет арестантскому люду!

На моё приветствие никто не ответил, но и заметное напряжение спало. Народ стал заниматься своими делами, стараясь не обращать на меня внимания. Один лишь неугомонный шустрик продолжал виться вокруг меня.

–

Где почивать изволите? – кочевряжился он.

–

Отстань, сучонок, – вполголоса процедил я сквозь зубы.

Паренёк не понял. Или понял, но продолжал до конца выполнять предназначенную ему роль детонатора. Меня самым банальным способом разводили на скандал.

–

Может быть, поближе к местам общественного пользования? К Прасковье Фёдоровне, так сказать...

Это была прямая провокация. «Шестёрка» предлагал мне место на «параше». За такой базар принято отвечать и отвечать жёстко.

В следующее мгновение гостеприимный паренёк, крунувшись вьюном и собирая задницей барачную грязь, залетел под нары. Я вновь перебросил сидор из руки в руку и внимательно оглядел барак. Плохо, если здесь одни уголовники. «Тогда это будет мой решительный бой», – подумал я с какой-то спокойной отрешённостью. За последнее время я так привык к человеческим смертям, что и свою жизнь воспринимал как нечто абстрактное.

–

Ну, вот не успел прийти, а уже обижает слабых, – донёсся до меня добродушный голос.

Я посмотрел на говорившего. Судя по вальяжному виду и поведению, это был какой-то авторитет. Широкоскулый, с близко посаженными маленькими глазками, мужичок полностью соответствовал теории Ламброзо. Развалившись на нарах и почёсывая лохматую грудь, он с деланным сочув-

ствием наблюдал, как копошится под нарами потерпевший.

—

В порядочных хатах гостей так не встречают, — спокойно ответил я, — а этому придурку под нарами самое место.

—

Ну, места распределять тут и без тебя кому найдётся, — хищно оскалился уголовник.

—

Я не претендую, — улыбнулся я добродушно, — только не ошибись при распределении. Люди разные, и запросы у них разные.

Мы, на некоторое мгновение, молча сцепились взглядами. Матёрый волк был неплохим психологом и читать по глазам умел. Потому что то, что я хотел ему сказать, он прочёл.

—

Слушок до нас долетел, что Вурдалак масть поменял. Статью свою достойную забыл и с врагами народа дружбу водит? — произнёс он, отводя взгляд.

—

А я никогда вашей масти не был, — усмехнулся я, — и врагом народа себя не считаю. Человек я просто, и живу по людским законам.

—

Ты хочешь сказать, что в лагере плохие законы? — снова ощерился блатной.

—

Я их не нарушаю. Извини, уважаемый, полюбопытствовать хочу, с кем я дело имею?

—

Гвоздём меня люди кличут.

—

Достойная кликуха. Так где мне на постой определить-ся? — я снова взглянул в глаза ответственного за барак.

—

Раз тебе по душе политические, гребки к ним, — нехотя вымолвил Гвоздь.

Я огляделся. Интеллигентный народ видно издалека. Поэтому, не раздумывая, я направился в нужную мне сторону.

Так началось моё пребывание в «командировке» Амурлага. Мне повезло. На время я обманул судьбу. А события, которые последовали буквально на следующий день, закрутили меня в тревожной карусели.

—

Осуждённый Громов, к начальнику лагеря.

Эта обыденная и привычная на первый взгляд команда повлекла за собой череду загадочных и кровавых событий.

— Жди, — кивнул мне конвоир и отправился по своим вертухайским делам.

Я присел на скамеечку рядом с дверями кабинета начальника лагеря и стал думать о том, что ему могло понадобиться от недавно прибывшего зэка.

Двери кабинета были закрыты не совсем плотно. Поэтому

я невольно стал прислушиваться к приглушённым голосам, раздававшимся из-за дверей.

– Эта группа из десяти осуждённых и при троих конвоирах должна отправиться вместе с основной изыскательской партией. Однако когда пересечёте озеро Болонь, то, сославшись на особо секретное задание, вы отделитесь от основной партии и пойдёте на потухший вулкан, который торчит прямо посредине озера, – донёсся до меня сипловатый голос, выдававший в его хозяине заядлого курильщика.

– Вы уверены, что профессор ничего не выдумал? – с сомнением произнёс его невидимый собеседник.

– Твоя задача – секретность и охрана экспедиции, – в голосе курильщика появились жёсткие нотки. – Старик-профессор об этих чёртовых чжурчжэнях знает более чем китайские императоры. И если он сказал, что в районе озера зарыт их клад, значит, так оно и есть. А потухший вулкан – это ориентир. Подробности тебе знать ни к чему. Слушай профессора, он знает что делать.

Я невольно насторожился. Когда речь заходит о сокровищах и кладах – жди беды. Такие мероприятия в большинстве своём заканчиваются кровью. Тем более неизвестные сокровища чжурчжэней. И дальнейшие слова начальника подтвердили мои опасения.

– Что делать, после того как отыщем клад? – голос собеседника стал заискивающим.

– Расходный материал списать. Вместе с солдатами выне-

сешь найденное сколько сможешь. Хорошо запомнишь дорогу.

– И профессора? – в голосе послышалось удивление.

– Более того, – голос начальника вновь стал раздражительным. – Вернуться в лагерь ты должен один.

– ???

– Что уставился? – голос стал вкрадчивым. – Тебя учить, как это делается? Несчастный случай. Отравление грибами... И ещё чёрт знает сколько способов избавиться от ненужных свидетелей. Или ты хочешь, чтобы о сокровищах знал каждый задохлик в этом распроклятом городе?

– Понял, не маленький, – обиделся собеседник.

– Вот и хорошо. Постарайся это сделать как можно ближе к Комсомольску. Учись у нанайцев. Сначала сохатого к стойбищу подгонят, а затем забивают, чтобы мясо было ближе таскать, – со смешком в голосе произнёс начальник.

«Вот гнида, – внутренне передёрнулся я, – только что приговорил к смерти ни в чём не повинных людей и шутит, сучонок, как ни в чём не бывало. Мы для этой сволочи просто расходный материал».

– Для этого дела я специально из Дальлага попросил двадцать осуждённых. Сам выберешь из них десять более-менее подходящих и действуй. Изыскательская партия отправляется из села Троицкого через три дня.

– Кто поведёт партию? – голос невидимого собеседника стал деловым.

– Ты его знаешь, это Коларов.

– Тот болгарин, которого отозвали с изысканий совгаванской магистрали?

– Он самый. Но ты в Троицкое не иди, а присоединишься к нему в Малмыже. У него задание пройти через озеро Болонь, затем подняться по реке Харпи и выйти на речку Сельгон. Всё понял?

– Понял. Разрешите выполнять?

Я внутренне похолодел. Сейчас откроется дверь, и невидимые собеседники обнаружат, что их самым наглым образом подслушивал тот самый «расходный материал». Что после этого будет со мной, даже не стоило и гадать. Поэтому я не стал дожидаться, чем закончится эта милая беседа, и что есть мочи на цыпочках рванул к входной двери. Там я остановился и тупо уставился в противоположную стену. Когда скрипнула дверь начальственного кабинета, я сделал вид, что испуганно вздрогнул, и поспешил стянуть с головы зёковский колпак.

В коридор вышел невысокий коренастый офицер. Усы «а ля Гитлер» и абсолютно гладкая лысина делали его физиономию комичной.

«Неужели он сам не замечает, что похож на клоуна?» – успел подумать я, прежде чем раздался совсем не смешной окрик.

–

Кто такой?

–

Осуждённый Громов, – вытянулся я, – прибыл по приказанию гражданина начальника лагеря.

–

Забирай его с собой, – услышал я возглас из-за двери. – Это я приказал водить заключённых к тебе на собеседование.

Лысый фюрер испытывающее посмотрел мне в глаза. Я не стал отводить своих честных глаз, а лишь слегка смущённо потупился.

–

Ну, заходи, – рука лысого указала на дверь своего кабинета.

Мне «повезло» вновь. Я попал в эту десятку «счастливицков», предназначенных на убой. Но я-то ведь об этом знал. И даже знал, когда нас начнут убивать. А самое главное, что, несмотря ни на какой риск, мне очень хотелось хоть одним глазком взглянуть на сокровища исчезнувшей империи. Да ещё где? В моих родных местах на озере Болонь. Тем более что моей молодой кровушки одинаково жаждут что в Комсомольске, что в «командировке», что там – на озере. Так какая, в конце концов, разница?

Глава 5. ПЛАВАЮЩИЕ КАМНИ ЯДАСЕНА

Я шагаю, перепрыгивая с кочки на кочку, вслед за мутным уркой по кличке Рваный. Обычно в изыскательские партии старались брать осуждённых из политических и специали-

стов, более или менее знакомых с таёжной работой. С ними и проблем меньше, и в бега они не ударятся. Но в нашем десятке уголовников больше половины. Я-то знаю почему, а остальных никто не информировал.

В партии на два десятка эков давался всего лишь один конвоир. Нашу же группу из десяти человек охраняло трое мордovorотов, откормленных на казённых харчах. Но это ничего, это дело терпимое. Тем более что люди мы подневольные. Самое неприятное – это комары. Противно гудящие пикировщики без усталости атакуют все незащищенные одеждой части тела. А комар в наших краях величиной с кулак. Так что и крови он может в один присест выпить полкружки. Я не говорю о прочем гнусе, который в своём желании испить нашей кровушки превращает жизнь несчастных арестантов в самый настоящий ад.

На дворе стояла вторая половина августа. Лето безумно полыхало зеленью и яркими всполохами последних цветов. Мы раскинули свой лагерь на слиянии проток Серебряной и Сий.

Если кто-то помнит моё первое путешествие в прошлое, то уже знает, что Сий – это водная дорога в озеро Болонь.

Начальник нашей партии старший лейтенант Щусь решил особо не перетруждаться, а дожидаться партию Коларова не в Малмыже, а здесь, на входе в озеро. Всё дело в том, что осуждённое светило науки известный профессор истории и археологии некто Боженко должен был прибыть с этой пар-

тией.

Вторые сутки мы прожигали время и всеми способами боролись с местным гнусом. И вот сейчас я и Рваный отправились за сырыми ветвями для дымокура.

—

Слышь, Вурдалак, долго нам здесь кантоваться или нет? — на ходу полуобернулся ко мне Рваный.

—

Ты куда-то спешишь? — усмехнулся я и добавил: — Андреем меня звать. А то от этой кликухи меня самого передёргивает.

—

Андрей так Андрей, — согласился Рваный. — Хотя Вурдалак звучит серьёзнее. А спешить мне особо некуда, потому как пятерик ещё мотать от звонка до звонка. А спрашиваю, потому что по мне так лучше по тайге шастать, чем кайлом махать.

—

Согласен, — при напоминании о кайле у меня непроизвольно заняли руки.

Рваный неожиданно остановился и обернулся ко мне.

—

Подымим?

Я согласно кивнул головой и уселся на валежину. Рваный неторопливо скрутил самокрутку и вопросительно посмотрел на меня:

–
Табака, что ли, нема?

–
Дак не курю я, – развёл я руками.

–
Действительно братва говорила, что не нашенской ты за-
кваски, – буркнул Рваный.

–
Ну-ка, ну-ка? – заинтересовался я. – Что там ещё братва
обо мне говорила?

Рваный ожесточённо затынулся и оглянулся по сторонам.

–
Много чего, но не это главное.

–
А что же?

–
Сватали меня подмогнуть тебе в преисподнюю попасть, –
он пытливо посмотрел мне в глаза, – но я отказался.

–
Чего же так? – как можно равнодушнее спросил я, а сам
внутренне подобрался.

–
Я честный вор. У меня квалификация. По «мокрому» –
это не моё.

–
Чего ж они к тебе обратились? Неужели ни одного «обез-

башенного» не нашлось?

—

Может быть, не нашлось, а может быть, и нашлось. Я-то, вишь, отказался, а кто другой, могёт быть, и не смог.

Я на мгновение задумался. По всей вероятности, так и не оставят меня в покое эти зэковские «примочки».

—

А мне почему сказал? – поглядел я Рваному прямо в глаза.

—

Ты парень шустрый, а я не хочу в крайняках оставаться, когда возня начнётся, – как о само собой разумеющемся промолвил он.

—

За что срок мотаешь? – перевёл я разговор в другое русло.

—

За любовь, – тяжело вздохнул честный вор.

—

Да ну! – подбодрил я неожиданного собеседника.

—

Ты не смотри, что у меня шрам во всю щеку, – начал свой рассказ Рваный. – Это ещё в детстве я с забора упал, когда в соседский сад за яблоками лазал. Это здесь братва думает, что я в драке пером получил.

—

Для авторитета в самый раз, – поддакнул я.

—

Случилось мне в свои тридцать годов в кралю одну влюбиться, – продолжил свой рассказ вор, – да барышня та оказалась не из простых, а дочерью какого-то чинуши. Я к ней и с этого боку, и с другого, а она ни в какую, но подарки и побрякушки всякие любила прямо страсть. Привёл я её как-то в ресторацию и сомлел под водочку – подарил ей цацки золотые. А цацки те с дела одного удачного были.

–

Ну, ты даёшь! – не выдержал я, – Кто ж палёные вещи дарит?

–

Сомлел, говорю, – сокрушённо вздохнул Рванный, – Кто же знал, что цацки те родителей её обокраденных. Вот и пострадал, значит, я через ту любовь окаянную.

Глядя на переживания попавшего впросак вора, я невольно рассмеялся.

–

Все беды через баб, – в последний раз вздохнул Рванный и притушил окурок.

–

Пошли, горемыка, – хлопнул я его по плечу и поднялся на ноги, – А то конвоиры на розыски отправятся.

Сколько таких историй выслушал я, находясь за колючей проволокой, одному Богу известно. Но думал я, кряхтя под сучковатой валежиной, совсем о другом. Как пить дать среди эков есть кто-то, кто не упустит любой моей оплошности и

нанесёт удар. Придётся снова спать вполглаза, а не то...

—

Где вас черти носили? – раздался недовольный возглас старшего лейтенанта.

—

Дак до лесочку пришлось топтать, туточки кругом кочка и ни одной дровины, – оправдался Рваный.

Щусь, недовольный задержкой, раздражённо выматерился. Надо заметить, что в мастерстве неформальной лексики лагерная администрация поднаторела не хуже охраняемого ими контингента. А в иных случаях намного опередила своих подопечных. Я же, не обращая внимания на витиеватую речь лейтенанта, глядел, как по реке плыло полузатопленное дерево. Его покрытые илом ветви придавали дереву сходство с разлапистыми рогами плывущего по воде сохатого.

В моей памяти всплыло такое же лето тысяча восемьсот шестидесятого года, как мы со Степаном этой самой протокой плыли на озеро Болонь определять на место жительства Алонку и его возлюбленную Менгри.

«Хорошие были времена, – вздохнул я с тоскою, – и за спиной никто с карабином не маячил».

—

Гражданин начальник, гражданин начальник! – прервал мои размышления крик чистившего рыбу зэка по кличке Ноздря. – Глядите-ко!

Все посмотрели в ту сторону, куда указывал рукой заклю-

чѐнный. В верховья протоки Серебряная заходил караван из нескольких гребных баркасов.

–

Никак Коларовская партия, товарищ старший лейтенант, – приложив руку к козырьку, произнёс один из охранников.

Щусь поднёс к глазам висевший на груди бинокль.

–

Они самые, – подтвердил он через минуту. – Где их только черти носили!

Между тем лодки каравана, постепенно увеличиваясь в размерах, подходили всё ближе и ближе.

–

Ничего не понимаю, – пробормотал сквозь зубы Щусь. – Заключѐнных вижу, а конвоя нет. А ну-ка, ребята, приготовьте на всякий случай оружие.

Конвоиры защёлкали затворами винтовок.

–

Никак сам Николай Васильевич? – поприветствовал Щусь стоявшего во весь рост на носу первого баркаса человека.

–

Он самый, товарищ лейтенант, – весѐлым голосом отозвался человек лет двадцати пяти-двадцати восьми.

–

Что-то я солдат не вижу, – стараясь придать голосу спокойствия, проговорил Щусь. – Неужели без охраны?

—

Как же без вас-то? – голос Коларова стал в меру язвительным. – Есть один боец, вон он на третьем баркасе веслом орудует.

Нос баркаса мягко ткнулся в прибрежную кочку.

—

А сколько у вас поднадзорного контингента? – продолжал допытываться старлей.

—

Двадцать пять человек, но они все бесконвойники. А солдата нам придали для солидности.

—

Ну-ну, – недовольно крикнул Щусь.

Было видно, что такое положение вещей его не устраивает. Будь его воля, он бы за каждым зэком по охраннику поставил. А чтобы охрана не спелась с контингентом, он бы за каждым конвоиром контролёра пристроил. Но, как говорится, со своим уставом в чужой монастырь не лезь. Поэтому он больше ничего не сказал. А мне стало жалко того солдатика, который грёб на вёслах.

Следом за первым причалили ещё пять баркасов. На берегу стало многолюдно. В партии Коларова, кроме привезенного профессора, было ещё тридцать шесть человек. Баркасы были тяжело загружены провиантом и оборудованием.

—

Профессор Боженко, – представил Коларов старичка лет

шестидесяти.

—

Осуждённый Боженко, — расставляя все точки над «и», поправил его Щусь.

—

Конечно, конечно, — скрывая под нависшими бровями понятливую улыбку, произнёс профессор и, сняв зэковскую тюбетейку, добавил: — заключённый Боженко Павел Николаевич, статья пятьдесят восьмая.

Коларов, видя официальную неприступность лейтенанта, расстегнул висящую на боку планшетку и достал какую-то бумажку.

—

Вы уж, пожалуйста, распишитесь в том, что приняли человека под свою ответственность.

Щусь, важно хмуря брови, прочитал текст и, согласно кивнув головой, поставил свою закорючку.

— Ну вот, все формальности соблюдены, теперь можно и перекусить чем Бог послал, — потёр руки Коларов.

— У нас как раз и уха поспела, — пытаюсь изобразить из себя гостеприимного хозяина, произнёс Щусь.

Но начальник поисковой партии решительно отказался. По всей вероятности ему не понравилось поведение нашего гражданина начальника.

— У нас свой паёк имеется, — произнёс он, — а вот вашим костерком мы воспользуемся.

– Хозяин – барин, – насупился Щусь и, заметив охранника из партии Коларова, оживился: – Товарищ красноармеец, бегом ко мне! – скомандовал он.

Я с сожалением посмотрел на невзрачного солдатика, который, загребая по земле косолапыми ногами, направился к старлею.

– Бегом! – покраснев от ярости, закричал тот.

Солдатик испуганно вздрогнул, даже веснушки на его простоватом крестьянском лице куда-то исчезли. Я отвернулся, чтоб не глядеть на бессмысленное унижение слабого сильным.

– Ты что же это, мать твою перемать, к экам на приработки устроился? – зловещим голосом произнёс Щусь.

– Дак я это, размяться, – пролепетал солдат.

– А оружие, которое тебе родина и партия доверили, ты дал осуждённым покараулить? – голос Щуся от напряжения слегка подрагивал.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, карабин был при мне, – от испуга солдат едва не перекрестился, но, по всей вероятности вспомнив, что он уже комсомолец, вовремя опустил метнувшуюся было вверх руку.

– Ты кого охраняешь, боец? – продолжал нагнетать атмосферу Щусь.

– Дык заключённых.

– Не-ет! Тебе приказано стеречь врагов народа! – палец старлея многозначительно завибрировал перед носом и без

того мокрого от пота солдата.

—

Оне расконвоированные, — предпринял последнюю попытку оправдаться конвоир.

—

Враг всегда остаётся врагом, какое бы обличье он ни принял. Доложишь о произошедшем своему начальству, а я проверю, — закончил воспитательный процесс начальник и самодовольно огляделся по сторонам.

Мне очень захотелось подойти к старшему лейтенанту и от души врезать ему между глаз. Я даже представил, как мой кулак расплющивает по щекам его крючковатый нос. Но чем чёрт не шутит, может быть, это ещё произойдёт.

Все остальные свидетели неприятной сцены, словно по команде, отвернулись в разные стороны. Триумф воспитателя не состоялся. Не дождавшись аплодисментов, Щусь раздражённо сплюнул себе под ноги и отдал команду собираться.

Подгоняемые окриками охраны, мы стали свёртывать лагерь. Пока мы собирались, подчинённые Коларова закончили обед, и от берега мы отошли одновременно.

—

Ачан, однако, — голос нашего проводника оторвал меня от размышлений о превратностях человеческой судьбы.

Проводника звали Федя Заксор. Он был из здешних нанайцев. На ниве обращения местных аборигенов в истинную веру приходское духовенство потрудилось на славу. За

семьдесят с небольшим лет официального присутствия русских на амурских берегах почти всё коренное население стало Ваньками и Кешками, научилось лихо пить водку и выражаться по матушке. Вот уж воистину прогресс не остановишь.

Я взгляделся в знакомые с детства очертания берега. Сехардна тысяча восемьсот шестидесятого мало чем отличалась от Ачана девятьсот тридцать третьего. Разве что среди замызганных чумов появилось несколько рубленых домов. На крыше одного из них развивался красный флаг. Надо думать, что там располагался местный сельсовет.

– Сельсовет? – поинтересовался я у Фёдора.

– Красный чум, однако, – выпустил он из зубов обгрызенный мундштук деревянной трубки. – Сельсовет по другую руку будет.

Я с удивлением посмотрел на проводника. Красный чум – это что-то новенькое.

– Изба-читальня! – неожиданно осенило меня.

– Кто шибко умный, книжки читает, кто песни поёт, – подтвердил мою догадку Федя и, улыбнувшись, добавил: – Хозяйка шибко умный и красивый, всем интересно.

– Русская?

– Русская, красивей нанайки, однако, – словно удивившись, что кто-то может быть красивее нанайской женщины, повторил он.

Я непроизвольно улыбнулся – много ты их видел-то, рус-

ских женщин? Хотя и местных аборигенов столько, что можно по пальцам перечесть. Так что сравнивать Фёдору в принципе не с кем, выбор-то не богат.

В Ачане мы останавливаться не стали, а выплыли на открывшуюся перед нами гладь озера Болонь. Когда описываешь подобные места, то хочется найти такие слова и эпитеты, чтобы у читателя дух захватило, но на ум приходит всё простое и банальное. А может быть, так и должно быть? Зачем описывать чудо, созданное Всевышним, если оно и так чудо, и не нуждается в особом представлении?

Когда-то в далёком детстве, учась в четвёртом классе, я впервые попал на его просторы. И меня, человека ни разу не видевшего моря, навеки покорили ширь и размах озера. Длинною более тридцати и шириною около десяти километров водной глади произвели на меня неизгладимое впечатление. А когда моим глазам открылся остров Ядасен, рождённый некогда вулканом, то я почувствовал себя Колумбом, а спящий вулкан стал моей Америкой. Я стоял на склоне вулкана и швырял в воду «булыжники», которые почему-то не тонули. Потом, взрослые сказали мне, что окаменевшая вулканическая порода легче воды. Потому и не тонет. А тогда – мою душу переполнял восторг. Ведь, оказывается, совсем рядом так много небывалых чудес и неразгаданных тайн, которые мне предстоит ещё изведать. Разве мог я тогда подумать, что когда-нибудь попаду сюда в робе арестанта вместе с участниками экспедиции по поиску сокровищ Золотой им-

перии чжур- чжэней? Но меня, теперешнего, такой поворот судьбы почему-то совершенно не смущал.

Прикрывая глаза от жарких лучей августовского солнца, я с волнением глядел на выступающие друг из-за друга мысы. В затуманенной зноем дали проступали неясные очертания Ядасена. Всё, как тогда, в первый раз.

Вы можете подумать, что обо всём этом я размышлял, расслабленно греясь на солнышке? Отнюдь нет, попутно я успевал ворочать тяжёлым баркасным веслом. Плывём двумя баркасами, распаренные солнечными лучами и нелёгким трудом. Арестанты скинули свои убогие, пропитавшиеся потом одежки, но солёные ручейки по-прежнему стекали меж лопаток и заливали глаза.

Ободрённые нашим примером, конвоиры попытались сделать то же самое, но их попытки самым решительным образом были пресечены командирским рыком старшего лейтенанта:

– А-атставить! Э-тта какой же вы пример подаёте этим отщепенцам и прочим врагам народа нарушением уставов по форме одежды, мать вас в такое-то ядрище! На вас смотрят угнетённые пролетарии всего мира, а вы форму одежды нарушать? – выдал он замысловато.

Потянувшиеся к пуговицам руки в одно мгновение оказались вытянутыми по швам, хотя сидя на банках этого сделать практически невозможно.

Мы едва сдерживали смех, а я подумал, что пролетарии

всего мира только и думают, как бы подловить нас голышом и на этой почве разочароваться в наших идеях.

– Попомни моё слово, эта сволота ещё и до генерала дослужится, – шепнул мне в затылок Рваный.

– Не, – скривил я губы. – Он ещё с нашим братом на одних нарах насидится.

– Не скажи... – сделал попытку вступить в дискуссию Рваный, но на полуслове остановился.

Щусь с подозрением вглядывался в чересчур серьёзные лица контингента. Но чрезмерно выпученные от натуги глаза смотрели куда угодно, но только не в сторону старшего лейтенанта. Мне же подумалось, что не зря для выполнения этого деликатного задания начальник зоны выбрал именно такого дуболома. По сути Щусь являлся таким же расходным материалом, как и мы, его дальнейшая судьба рисовалась мне мрачными красками.

Ещё когда мы стояли на слиянии Сия и Серебряной, я случайно услышал, как Щусь и Коларов говорили о совместном маршруте. К вечеру мы должны были дойти до Олготской бухты, там находился недавно организованный склад продовольствия и различных материалов для изыскателей и будущих строителей железной дороги. На этой базе получим всё необходимое и тронемся дальше к стойбищу Джуен, а партия Коларова через реку Харпи выйдет на реку Сельгон. Мы же с каким-то особо секретным заданием отправимся по реке Сюмнюр. Получалось, что до Джуена мы будем идти вместе,

а дальше каждый пойдёт своим путём.

«Да это же Ванькина Деревня!» – чуть не воскликнул я, когда уже в сумерках мы подходили к продовольственной базе. Но вовремя прикусил язык. Мои знания о будущей топонимике здешних мест никому не нужны, а вот подозрений добавят. В моё время, или чуть раньше, эта небольшая деревушка самоназовётся Ванькиной. Интереснее для меня было то, что на первом от неё мысу в 1860 году мы высадили молодых мангренгов. Что с ними стало, есть ли кто живой из их потомков? Ведь помнится, в честь меня они должны были наречь своего первенца.

На этом месте своих воспоминаний я задумался. А на самом деле – в честь меня или Михаила Манычева? А может быть, Степана Кольцо или младшего лейтенанта Громова? Да, брат, как-никак четвёртую жизнь живёшь. Да и Бог с ним! – не стал я ломать голову дальше, тем более что очень хотелось покушать, а если говорить начистоту, то от души пожрать и уложить на траве уставшее тело. В конце концов, как говаривал незабвенный Сруль Исаевич Заерман, человека судят не по имени, а по поступкам.

Баркас ткнулся в берег, и раздался «добрый и успевший всем полюбовиться» голос старшего лейтенанта: «С вещами на выход и приготовиться к приёму пищи», чему все несказанно обрадовались и весело загомонили.

Утром неожиданно поднялся ветер. Мы находились между двумя первыми на нашем пути мысами. Скажу честно,

что совсем недавно я помнил их названия, но из-за их труднопроизносимости совсем забыл. Но дело не в том. Мы неосмотрительно далеко отошли от берега. Озеро Болонь, кроме того что оно большое, славится своими мелкими глубинами. Два, два с половиной метра – это тот самый максимум, на что оно способно. Поэтому когда раздувается ветер, то он с лёгкостью поднимает со дна воду и подбрасывает её вверх. По озеру начинают гулять волны такой величины, что Амур-батюшка просто обзавидуется. Бывает такое, что за одну ночь или день ветер перегоняет всю воду из одного конца озера в другой.

Мой товарищ по деревенской юности Еремчук Толя рассказывал, как он сам попал в такую передрагу. «Дело было в осеннюю кетовую путину. Приехали мы вечером на озеро, выплыли в харпинские разливы. Уже к ночи поставили сети и привязались к колу, который вбили рядом с ними. Покушали и спокойно легли спать. Часам к двенадцати ночи стало дождить и потянуло ветерком. Мы укрылись брезентом и уснули. Когда проснулись, то обалдели – лодка стоит по щиколотки в воде, а сетки, полные рыбы, лежат растянутые по песку. Трое суток мы тянули лодку по илу и траве к Джуену. Продуктов-то мы брали на одну ночь и ещё вечером почти всё съели. Оставался хлеб, сахар и красная икра, которую мы выпороли из самок. Рыбу пришлось бросить, мы и так-то пустую лодку с трудом тянули. Вы ели когда-нибудь красную икру с сахаром и хлебом? А я ел и никому бы не советовал.

Думали, что сдохнем, но дошли и лодку притащили».

Вот такая история. Поэтому, едва потянуло ветерком, я обратился к Щусю:

– Гражданин начальник, к берегу бы надо, шторм будет.

Лучше бы не говорил... Старлей бросил на меня высокомерный взгляд и отвернулся в сторону.

– Однако Андрюха дело говорит, – поддержал меня проводник Федя. – Подя сильно гневайся станет, тикай однако надо.

И тут мы увидели, как баркасы коларовской партии дружно развернулись к берегу и рванули вперёд. Дело в том, что шли они к берегу ближе и успевали, а мы шли гораздо мористей и наш успех стоял под вопросом.

– Что рты раззявили, мать вашу разэтак! – неожиданно взъярился Щусь. – Гребите к берегу!

Мы навалились на вёсла. Но гружёный баркас – это не лодка под мотором и манёврам не обучен. В общем, мы не успели. Прихватило нас где-то на середине пути. Ветер не засвистел, а взвыл. Волны и брызги вмиг остудили наши вспотевшие спины. Мои попутчики были явно не мореходы и в нахимовских училищах не учились, они еле-еле удерживали баркас. Наш второй баркас сделал тот же самый манёвр гораздо позднее нас и поэтому безнадежно отстал.

– Против волны держите! – не выдержал я. – Иначе смерть!

И я был прав. Когда поднимаются волны, то на такой глу-

бине в промежутке между ними дно практически оголяется. И если тяжеленный баркас, стоящий вдоль волны, швырнёт в эту ямину, то всем обеспечено сотрясение головного мозга с последующим переселением на небеса, потому что сверху вас накроет набегающей волной. Тут не до любезностей.

– Что делать, что делать? – испуганно крестился один из конвойных.

– Сапоги снимай, придурок! – наконец-то я мог отыграть-ся на недавних своих гонителях.

– Это ещё зачем? – тупо уставился он на меня.

– Если повезёт, до берега живым доплывёшь, – уже кура-жился я, потому что видел, что баркас прочно занял своё ме-сто поперёк волны.

Хотя риск оставался, но я уже понимал, что появились ва-рианты выхода из ситуации и нам благосклонно улыбнулось фифти-фифти. Оглянувшись на второй баркас, я присвист-нул. Горе-мореходы так и не смогли справиться с неповорот-ливой посудинной, и сейчас её швыряло не приведи Господь как.

– Что же вы делаете, черти! – закричал я что было мочи. – Поперёк волны ставьте!

Но мои слова почти потонули в рёве ветра и рокоте волн. Экипаж плавучего титаника под названием «Баркас» погля-дывал на меня с уважением и, не побоюсь этого слова, даже с любовью и беспрекословно выполнял все команды новояв-ленного капитана.

Через час, стоивший нам напряжённых нервов и упорной борьбы, наш титаник причалил к берегу, избежав трагедии легендарного собрата. Только на берегу я вспомнил про нанайца Федю. Почему его не было ни слышно, ни видно во время нашей схватки со стихией? Огляделся. Федя сидел в сторонке и дымил своей самокруткой, отрешённо поглядывая на макушки деревьев.

«Тьфу ты, чёрт узкоглазый! – выругался я про себя, – Хоть окрестил тебя поп Фёдором, но так и остался ты подданным своего нанайского бога Поди. А как учит ваша вера? Если Подя хочет что-то, то отказывать ему в этом не надо, даже если это «что-то» твоя жизнь».

Под утро на свет нашего костра набрели оставшиеся в живых охранник без оружия и двое заключённых. О судьбе ещё одного охранника и троих зэков они ничего не знали.

«Дух-хранитель невиданных сокровищ начинает собирать кровавый урожай», – передёрнуло меня от нехороших предчувствий.

Несмотря на трагизм ситуации Щусь, и здесь остался верен себе.

– По прибытии на место дислокации за потерю вверенного родиной оружия пойдёшь под трибунал, – пригрозил он расстроенному солдату, но, увидев насупленные лица присутствующих, развивать эту тему дальше не стал.

Глава 6. ДЖУЕН УВОДИТ В ГЛУБИНУ

И вот мы остались одни. Основная экспедиция направи-

лась дальше прокладывать маршрут для будущей железной дороги, без которой мой современник совершенно не может представить окружающую его действительность.

После того памятного урагана прошло трое суток. Два дня мы прятались от непогоды в заливе меж двух мысов. Поднярился и метал в нас волны и крупные брызги дождя, прижимал к земле деревья, а тальник выстилал вдоль воды, как гибкую траву. Я с суеверным страхом думал, что он не хочет пускать нас к сокровищам ушедшего в небытие народа. Вы не смейтесь, атеизм атеизмом, но в потусторонние силы мы с вами до сих пор верим. Это генная память предков даёт о себе знать. Слишком долго они поклонялись идолам и стихиям, слишком долго их угнетал страх перед неведомым.

За это время я сблизился с профессором. Сделать это было не сложно. Сначала я взял его под покровительство от докучливого внимания уголовного элемента, а затем, как люди интеллигентные, мы нашли общие темы для культурного общения. Мне очень хотелось поговорить с учёным о таинственных и загадочных чжурчжэнях. С другой стороны, не мог же я ему напрямую сказать: «А не поговорить ли нам профессор о кладах и, в частности, о чжурчжэнских?». Скорее всего, меня бы не так поняли, а если бы об этом узнал грозный Щусь, то по-тихому списали в расход. Поэтому приходилось помалкивать и ждать удобного случая. И этот случай вскоре представился, нас вдвоём отправили на заготовку дров для костра.

Учёные – натуры увлечённые, их только надо завести на разговор.

– Я слышал, что на этом месте во времена татаромонгольского нашествия было какое-то могущественное государство? – с невинным видом поинтересовался я, ёжась под градом осыпающихся с деревьев капель.

От возмущения профессора едва не хватил удар.

– Молодой человек, – едва смог выговорить он, переведя дух, – Золотая империя чжурчжэней – это вам не какое-то государство, а ИМПЕРИЯ! В своё время сам Чингисхан платил ей дань и только в 1210 году, окрепнув, отказался быть её данником. Чжурчжэни завоевали весь север Китая, а Пекин был одной из столиц их империи.

– Как это одной из столиц? – не понял я.

– Потому что империя была могучей и у неё было несколько столиц. Ну, и в те времена в Азии так было принято.

– Как мало мы знаем, – обескураженно произнёс я.

– Не переживайте, Андрюшенька. Этот пласт истории в России начали разрабатывать не так давно, и широкой публике он неизвестен.

– А почему, разве это не интересно?

– Всё дело в том, что конкретные геополитические интересы России на Дальнем Востоке проявились с 1850 года.

– Это когда капитан Невельской открыл проход в устье Амура, – не удержался я, перебив профессора.

– Совершенно верно. А после подписания Айгунского

договора история Дальнего Востока стала и нашей историей, а поэтому интерес к этому региону и его прошлому резко возрос.

Я подумал о том, что и мои современники мало что знают о Золотой империи, хотя к тому времени пройдёт уже больше века, с тех пор как Россия надёжно укрепилась на берегах Амура и Тихого океана. В школе нам этого не преподавали, а художественная и научно-популярная литература на эту тему мне не попадалась. Я знал, что в первую очередь Чингисхан завоевал Китай, а затем его потомки продолжили победоносный поход на покорение мира. Но что в это время в Китае правили чжурчжэни, слышал впервые.

—

Однако, молодой человек, вы меня совершенно заболтали, – встрепенулся Павел Николаевич. – Наш сатрап начальник даст нам хорошую взбучку.

Взбучку мы действительно получили, но с этих самых пор я стал добросовестной аудиторией опального профессора. Не знаю почему, но меня очень интересовало всё, что касалось этого загадочного народа. И поверьте, дело было не в пресловутых сокровищах, а просто когда из уст профессора звучало слово «чжурчжэнь», у меня внутри всё как-то переворачивалось и захватывало дух.

Я, конечно же, солгу, если скажу, что не знал о чжурчжэнях совсем ничего. Я знал, что они жили на Дальнем Востоке, что у них было своё государство и что это государ-

ство пало под ударами полчищ сына Чингисхана Угэ- дэя. Об этом я узнал во время моего первого путешествия в прошлое. Но знания, которые я получал от Павла Николаевича, были иного рода. Он сыпал историческими фактами, датами, именами правителей и названиями племён. Наша экспедиция получалась для меня не только опасной, но и познавательной. У нас с профессором появилась своя тайна, и имя этой тайне было «чжурчжэни».

Меж тем, не доходя до стойбища Джуен, поисковый караван инженера Коларова отделился и пошёл в сторону русла Харпи, а мы остановились у стойбища. Я обратил внимание на то, что название «Джуен» в чём-то созвучно со словом «чжурчжэнь». Может быть, это случайность, а может быть не всё так просто.

Когда мы проходили мимо Ядасена, то я заметил, как профессор Боженко, жестикулируя и постоянно поправляя отсутствующий галстук, что-то вполголоса пытался объяснить старлею.

Тот несогласно мотал головой и косился в сторону потухшего вулкана. Я хотел знать, о чём они говорят.

—

Это же очевидно, — донёсся до меня голос профессора, — место слишком приметное.

—

Но вы ведь сами говорили, что на этом острове была чжурчжэнская крепость, — не сдавался Щусь.

—

Говорил. Но это лишний раз доказывает то, что это место не может находиться в крепости. Уже тогда люди знали, что неприступных крепостей не бывает.

Я понял, что речь идёт о предполагаемом месте захоронения сокровищ. По всей вероятности, профессор говорил о том, что в таком приметном месте прятать клад никто не станет, даже варвары со средневековым мышлением. В то же время в моей памяти смутно мелькали какие-то образы, и мне казалось, что я здесь уже бывал. Но не в далёком детстве, а гораздо раньше, давно, ещё в прошлой жизни. Знаете, так иногда бывает, когда мы, что-то сделав, в недоумении ловим себя на мысли, что всё это уже было, а мы просто повторяем всё это в очередной раз.

Я прислушался к себе, но ничего нового не услышал, хотя следовало бы. А насчёт места захоронения сокровищ я почему-то был с профессором согласен, не станут умные люди прятать сокровища империи в таком приметном месте, это ведь не остров Монте-Кристо. Мало того я был уверен, что клада здесь нет.

Джуен встретил нас визгом голопузых нанайчат и непонятной суетой местных аборигенов. При виде нашего баркаса на берег высыпало всё население стойбища.

—

Скажи нам, товарищ, где у вас сельсовет? – обратился Щусь к более-менее опрятно одетому гражданину. Навер-

ное, подумал, что чистота – это признак интеллигентности и угодил в самую точку.

–

Я сельсовет, – ткнул себя указательным пальцем в грудь гражданин, и, протягивая руку для приветствия, добавил: – Юкуйла.

–

Старший лейтенант Щусь, – небрежно козырнул старлей и вкрадчиво серьёзным тоном продолжил: – Нам необходимо с вами поговорить по важному государственному делу.

–

Важные вести в Красный чум ходи надо, – ответил тот солидно. – Здесь шумно, говорить нельзя. Красный чум печать есть.

–

Если это возможно, мы бы хотели, чтобы вы пригласили для разговора старых охотников, – вмешался в разговор Боженко, а я подумал: «Причём тут печать?».

Щусь в разговор не вмешивался, и я понял, что встречу со стариками и вообще остановка в Джуене – это инициатива профессора.

В Джуене мы простояли трое суток. Профессор постоянно куда-то пропадал, о чём-то разговаривал со стариками и делал мимолётные пометки в своём блокноте. По вечерам он рассказывал мне о Золотой империи, но, надо отдать ему должное, о сокровищах чжурчжэней он не обмолвился ни

разу.

Так я узнал, что в конце VII века на территории современного Российского Дальнего Востока возникло и двести лет просуществовало государство Бохай, но в начале X века на его земли вторглись полчища киданей под предводительством императора Амбагяня, и мощное государство перестало существовать. Эпоха «Великого переселения народов» коснулась не только Европы со Средней Азией, но и Дальнего Востока. Завоевав Бохай, кидани не смогли покорить племенные союзы чжурчжэней и образовали на границах с ними буферное государство Дунь-данго. И всё бы ничего, но не может большое государство спокойно существовать, когда у его границ проживают неотёсанные варвары. Их хочется приручить и сделать своими младшими братьями, а проще говоря, верными вассалами и добропорядочными налогоплательщиками.

Без малого двести лет длилась непонятная ситуация в отношениях между киданями и чжурчжэнями. Дикие чжурчжэни, которые проживали на территории нынешнего Приморья, вообще не признавали власти киданей и не платили им никакой дани, а «ручные» чжурчжэни, проживавшие на территории киданей, не платили ее, потому что император киданей Тянь Цзо боялся, что они обидятся и уйдут к диким, тем самым усилив их ряды. А диких чжурчжэней и без того было более двух миллионов человек. В общем, куда ни кинь везде клин.

Такие противоречия, как говаривал товарищ Ленин, не могли оставаться неразрешёнными, и они разрешились. Так уж заведено, что в критические моменты истории на политическую арену выходит решительный вождь и ставит все точки над «и». Таким вождём стал Агуда. Он сплотил разобщенные племена чжурчжэней и в 1115 году провозгласил себя императором независимого чжурчжэн-ского государства, которое назвал «Золотая империя».

Через десять лет государство киданей Ляо прекратило своё существование, а его император попадает в плен к чжурчжэням. В том же году младший брат умершего Агуды Уцимай начинает войны с Китаем, которые заканчиваются поражением и захватом Китая. Пекин становится одной из столиц Золотой империи.

Вчерашнее первобытно-общинное общество стало обладателем и повелителем обширных территорий. Его просторы охватывали Китай, Приморье, Верхний и Нижний Амур, примерно до современного города Комсомольска-на-Амуре и села Нижнетамбовское, и ещё много и много земель. Им платили дань Монголия и Корея.

Расцвет империи омрачился тем, что, как обычно в таких случаях, начались внутривластные козни и интриги, которые раскачивают государственные устои и подрывают могущество империи. Этим не замедлил воспользоваться новый великий вождь, вышедший на мировую арену. В 1210 году великий хан всех монголов Чингисхан отказался пла-

тить дань Золотой империи. Двадцать три года шла ожесточенная война на уничтожение, и под ударами монгольских армий империя пала. Последний император Ниньясу повесился. Его преемник не правил и нескольких дней, его убили солдаты. Так в 1234 году Золотая империя пала.

—

Знаете, Андрюша, я сам ломаю голову над тем, почему Чингисхан отдал приказ и посмертное завещание своим преемникам: чжурчжэней в плен не брать ни при каких обстоятельствах, а вырезать всех до седьмого колена, — закончил свой рассказ Павел Николаевич.

Чуть в стороне тихо потрескивал костёр, все заключённые и конвой, кроме одного часового, спали глубоким сном. С озера тянул свежий ветерок.

«Быть может, много веков назад на этом самом берегу отдыхали после битвы уставшие чжурчжэнские или монгольские воины», — подумалось мне. Будто наяву, я услышал ржание приземистых лошадей и свист боевых стрел. Я тряхнул головой и, с трудом вырываясь из наваждения, предположил:

— Возможно, в нём говорило уязвлённое самолюбие?

—

Вы тоже так думаете? — обрадовано встрепенулся профессор. — Вот и я думаю, что он никак не мог простить чжурчжэням своего бывшего унижения. Вполне человеческий фактор.

—

Я читал, что он приказал уничтожить целый народ за их упрямство и непокорность, – произнёс я.

–

Глупости, – отмахнулся Боженко, – любой народ противится агрессии, вспомните хотя бы Киевскую Русь. Достоянного противника уважают даже враги.

В глубине души я был согласен с доводами профессора, но хотелось думать, что на самом деле всё было как-то романтичнее:

–

Неужели такой великий завоеватель мог опуститься до элементарной мести?

–

Очень даже мог, – шёпот профессора перешёл на свист. – Вы можете мне не поверить, но все великие тоже были когда-то сопливыми малышами и скакали верхом на прутике.

Я сделал попытку представить Чингисхана верхом на прутике и не смог. Всё-таки велико в нас уважение к теням прошлого и их великим делам, и очень трудно побороть сложившиеся стереотипы. В нашем представлении герои прошлых веков выглядят такими небожителями, пирующими с богами Эллады, а они были всего лишь людьми.

– Да, разумеется, вы правы, – согласился я.

–

Возьмите хотя бы его, – Боженко, вскинув на секунду брови, посмотрел вверх. – Не родили же его таким?..

Хотя имя и не прозвучало, мы оба знали, о ком идёт речь. После этого заявления профессор надолго замолчал. Я же, чтобы не смущать его за нечаянно вырвавшиеся слова, предложил пойти ложиться спать.

—

И то верно, — облегчённо вздохнул он, — завтра выступаем, надо набраться сил.

...Я скакал во главе отряда всадников навстречу катившейся конной лаве. Над головой раздавался лёгкий посвист стрел. В моей руке сверкала широкая кривая сабля.

— А-йя! — раздался вой со стороны нападавших.

— Ура! — закричал я, подбадривая своих бойцов.

Мой клич был поддержан сотнями глоток, и две лавы столкнулись в яростной схватке. Я ожесточённо рубился с неприятелем. Нашими противниками были одетые в меховые куртки и малахаи воины. В отличие от моих конников брони на них были победнее. Я почему-то был уверен, что мелькающие передо мной враги — это татаромонгольские воины. Отражая наскоки мелкорослых всадников, я не переживал за свою спину. Два верных телохранителя Угудай и Диландай неотступно следовали по пятам и отбивали в сторону направленные в меня копыта и сабли.

Из кровавой кучи малы на меня наскочил вёрткий воин на низкорослой мохнатой лошадке. Его оскаленный рот выплёвывал непонятные крики, а злая миниатюрная лошадка так и норовила цапнуть моего Беркута за бок.

– Адзи! – раздался крик Угудая.

Я дернулся, словно нападавший воин попал в меня своей сабелькой. Чтобы увернуться от удара сабли, я резко повернулся на бок и...

«Вот упрямая девчонка!» – неизвестно почему в голове появилось это раздражение. Непонятное сейчас? Только что, секунду назад – во сне, мне было всё известно и понятно.

Я открыл глаза. Ночь сменилась серыми предрассветными сумерками. Я лежал у потухшего костра и пытался восстановить подробности странного сна. Но сон есть сон, и он уходит из нашей памяти едва наступает рассвет. Только странное имя Адзи крутилось в моей голове. Словно я его уже когда-то слышал. Ну конечно! Это ведь имя девушки из легенды о Шаман-горе. И приснится же такое, всё в кучу собралось. А откуда я знаю, что моих верных телохранителей звали Угудай и Диландай, ведь во сне, как правило, имён не называют?

Мои мысли были прерваны лёгким постукиванием прибрежной гальки о подошвы чьих-то осторожных сапог. Я непроизвольно насторожился. Раздался свист разрезаемого неким предметом воздуха. Ожидая нечто подобное, я резко перекатился в сторону и вскочил на ноги. Высекая искры, прилетевший предмет, оказавшийся лагерной заточкой, подскочил вверх на том самом месте, где я только- что лежал, и, лязгая о камни, ускакал во мглу.

Я был ошарашен, потому что, оглядевшись по сторонам, я

никого не обнаружил. Вокруг потухшего костра в самых разнообразных позах беззаботно спали зэка и конвоиры. Лишь сумеречный силуэт одного из вертухаев покачивался невдалеке. Паренёк отчаянно боролся со сном. Я ещё раз внимательно осмотрелся. Никого. Желая убедиться, что мне всё это не приснилось, я направился в сторону ускокавшего предмета и вскоре обнаружил вещдок – заточку, изготовленную из трёхгранного напильника.

Кто же из собратьев по неволе жаждет моего перехода в мир иной? Судя по траектории полёта, это могли быть четыре человека. Вернее, кто-то один из этих четверых.

Я внимательно оглядел спящих. Рваный, Хряк, Бацилла и Убогий – все из уголовных. Да оно и понятно: контингент кучкуется по интересам. Если исключить Рваного, он ведь сам предупреждал меня о возможном покушении, то остаются трое.

3 Казна империи

65

Хряк – здоровенный отмороженный «мокрушник» с задатками заурядного садиста. При двухметровом росте этот боров имел кулаки размером со сковороду и умственный потенциал обиженного ребёнка.

Бацилла – получил свою кличку за чрезмерную любовь к незнакомым словам. Мне кажется, что он до сих пор не знает, что обозначает его кликуха, и поэтому носит данное

ему воровским миром имя с гордостью. Свой срок мотает за чрезмерную жадность. В то время как более благоразумные подельники успели скрыться, он продолжал упаковывать «прикуп» в мешки. За этим занятием и застал его прибывший наряд милиции. Худой и жилистый, он был достойным соперником во всех драках.

Самая неординарная личность среди них – Убогий. За унылой внешностью сказочного Пьеро скрывался хитрый и опасный зверь. Даже на непрезентабельную кличку он не обращал внимания. Умный и коварный, не обладая большой физической силой, он стремился к власти серого кардинала. И ему это удавалось.

Но кто же из них? По крайней мере, круг подозреваемых сузился. Теперь я знал к кому нельзя поворачиваться спиной.

Где-то наверху за стойбищем раздался приглушённый стук бубна и невнятные крики. Я прислушался. Но расстояние было слишком велико, шаманили где-то на окраине поселения, и я, решив уже не ложиться, пошёл на звук.

За спиной осталась последняя глиняная полуземлянка-мазанка. Я забыл вам сказать, что поселение Дюен, современное название Джуен, было основано всего лишь три года назад, то есть в 1930 году. Подгоняемые великой глобализацией, чиновники решали всё быстро, тем более что наступала эра колхозов. И аборигены из расположенных по реке Харпи стойбищ Хутун, Сэпэриу, Сусуэн, Хурэчэн, Дзяп-

пи шагнули из первобытно-общинного общества в колхозно-социалистическое благо. Стойбища прекратили своё существование. На одном из многочисленных мысов озера появилось новое поселение – Дюен, название которого в переводе означает «В глубине находящийся мыс».

Я вошёл в дубовую рощу. Судя по тому, что под многими из деревьев были разложены подношения и деревянные фигурки домашних и промысловых духов, а на ветках развешаны ленточки из кожи, это были родовые священные деревья – туйгэ. Здесь мужчины рода обращались к верховному божеству Боа Эндурни, прося у него удачи на охоте и в рыбной ловле. Считалось, что духи удачи и благополучия, устав от трудов праведных, опускаются на ветви священных деревьев, чтобы провести приятно время и подкрепиться. Поэтому ни в коем случае нельзя было мусорить и собирать хворост под этими деревьями, а тем паче их срубить. Духи, они ведь ребята привередливые, и их гнев, так же как и милость, непредсказуемы.

–

Зря, однако, на камлание ходить решил, – раздался за моей спиной хрипловатый голос.

От неожиданности я вздрогнул и резко оглянулся. В серой мгле, словно бесплотный дух, возник невысокий силуэт.

– Вы кто? – сглатывая слюну, выдохнул я.

Мистический страх приковал мои ноги к земле. Тьфу ты чёрт! Побывать во стольких переделках, пройти через время,

кровь и смерть... и оробеть перед нанайскими духами. Ну уж нет, фигли вам! Я решительно расправил плечи.

–

Кхе, кхе, – совсем рядом раздался всё тот же хрипловатый смешок, – я тудири

¹

Это было сказано таким тоном, что я сразу понял, что стоящий передо мной пожилой человек действительно тудири, хотя в тот момент и представления не имел, что означает это слово.

– Понятно, – солидно произнёс я. – А как вас звать?

– Барони из рода Киле.

–

Так почему мне не следует идти на камлание? – задал я вопрос.

–

Совсем шаман слабый, однако, – скривил губы в ироничной усмешке Барони из рода Киле.

–

Как это? – задал я глупый вопрос.

–

Мало, мало до четвёртого неба только подняться может, – вновь усмехнулся тудири, и, отвечая на мой вопросительный взгляд, пояснил, – Боги разделили мир на девять небес, и на

¹ *Тудири* – экстрасенс и лекарь, который пользовался своим даром, не прибегая к атрибутике шаманизма.

каждом из них свой правитель.

Из дальнейшего рассказа Барони из рода Киле я узнал, как нанайские боги делят власть и кому из смертных разрешено ходить к ним в гости.

Если у вас есть интерес к этому, то я могу посвятить во все эти премудрости. Хотя, честно говоря, если бы я в тот день не записал всё рассказанное тудири, то забыл бы мудрёные имена нанайских богов.

...Давно это было. Камень был мягкий как воск, деревья росли корнями вверх, а реки текли вспять. Много было на земле богов, и делали они всё, как сами хотели, а не как было надо. Поэтому не было на земле порядка. И вот настал такой день, когда сами боги устали от подобного положения вещей и решили собраться на совет. На повестке дня стоял один вопрос, как им правильно поделить власть? Слово взял старший бог Боа Эндурни.

Он предложил поделить Вселенную на девять сфер, по числу присутствующих на совете богов. Бог, менее значимый по рангу, получал в своё владение сферу поближе к земле, который по важнее – подальше. Наверное, это было сделано для того чтобы людишки не докучали более крутым богам своими мелочными просьбами.

Первая, ближайшая к земле сфера, досталась богу Хуту Эндурни, который живёт в своём городе на небесной сопке. Владыкой второй сферы назначили Ёрху Эндурни. Эти сферы находятся в равном положении, и когда страждущие

молятся о своём здоровье, поставив три шеста тороан², их молитвы доходят до ушей повелителей и больные поправляются. Третья небесная земля подчиняется власти Саньси Эндурни. Саньси проживает в своей столице под названием Сянькой хото. Там, как и на земле, живут люди и звери, растут деревья, текут реки и глядят в равнодушное небо сопки. На четвёртом небе растут напоминающие тальник девять небесных деревьев. Из этого дерева можно вырезать фигурку главного шаманского духа-помошника – аями. До четвёртой сферы могли доходить молитвы сильных духом людей и слабых шаманов. За эту сферу могли пройти только сильные шаманы. Мне стало понятно Баронинское «мало, мало на четвёртое небо может сбегать». В пятых небесах обретался бог информации и учёта – Лаои. Но, честно говоря, я так и не понял его функциональных обязанностей. В шестой сфере правил бог Хуюн Мудур Эдени, принимающий обличье дракона. У него в подчинении было ещё восемь драконов. Седьмое и восьмое небо определили под власть женщин. В седьмой сфере царила Лунге Эндурни, имеющая пятьдесят детей, а в восьмой – Нянгня Эндурни. Нянгня была более могущественна, у неё было сто детей и тридцать городов. Этим богиням поклонялись женщины-роженицы и шаманы, помогающие в родах. Ну и на самом недостижимом девятом небе восседал главный бог – Боа Эндурни. На девярых небесах всё было, так же как и везде, за исключением того, что

² *Тороан* – шест для проведения религиозных обрядов.

Боа подчинялись не только подданные его сферы, но и властелины и обитатели всех остальных сфер. Кроме того в его подчинении была команда спецназа в составе тридцати трёх духов Эндур³.

За различные прегрешения боги забирали душу человека к себе на небеса, и он заболел. Но тут на сцену выходил шаман и отправлялся искать именно те небеса, где находилась душа больного. Причём чем больше были прегрешения, тем дальше от земли находилась душа. Шаман уговаривал богов вернуть душу на землю, болезнь отступала. Чем богаче были дары и угощения, тем благосклоннее становились боги. Что тут скажешь, ничто человеческое богам не чуждо!

—

А почему вы мне всё это рассказываете? — словно бы опомнившись, удивился я.

—

Потому что я тебя не вижу, — спокойно ответил Барони. — Тебя нет ни в бунни, ни в доркине, ни в гэкэне, ни на небесах

4

. Не этого ты мира, человек.

Я с опаской посмотрел на ясновидящего. Сразу видно профессионала, миг меня раскусил.

—

Вижу будущее всех людей, которые с тобой пришли, а тебя

³ В различных нанайских сообществах имена богов могут меняться.

⁴ *Бунни* — мир умерших, *доркин* — область под морем, *гэкэн* — по-нашему, ад

там нет, – между тем продолжал тудири.

– И какое же у них будущее? – заинтересовался я.

– У них нет будущего.

–

Вы ведь сами только что сказали, что видели их будущее.

–

Обычный человек слышит ушами, – загадочно ответил он, – а правильный – разумом.

По земле скользнул пробившийся сквозь листву луч и остановился на деревянной фигурке какого-то духа, прислонённого к стволу дерева. Когда я поднял взгляд, то никого рядом с собой не обнаружил. Барони исчез так же неожиданно, как и появился.

Увлёкшись рассказом, я не заметил, как вокруг стало совсем светло. Пора было возвращаться.

Моё отсутствие, слава Богу, прошло незаметно. Караульного окончательно сломил сон, и он сладко спал, обняв карабин и склонив голову на колени. Мне стало жаль паренька. Если Щусь заметит, то ему придётся не сладко.

– Кончай ночевать, – потряс я часового за плечо.

Тот испуганно вздрогнул и, подхватив карабин, вскочил на ноги.

–

Что? Где?... – запричитал он, вертя головой по сторонам и пытаясь судорожно передёрнуть затвор.

–

Всё хорошо, – успокоил я его, отводя ствол карабина в сторону. – Смотри не стрельни с перепугу, а то старлей тебя не поймёт.

Взгляд часового стал осмысленным, веснушчатое лицо от стеснения сделалось пунцовым, и он неловко брякнул прикладом карабина о землю.

– Ты чего? – спросил он почему-то полушёпотом.

–

Так тебя, дурака, стало жалко, – так же шёпотом ответил я. – Вот и разбудил, чтобы народ поднимал, утро уже, вояка.

Крестьянская физиономия молодого конвоира сморщилась в мучительных раздумьях, затем просветлела, и он согласно кивнул головой.

– Ото будет в самый раз.

После завтрака я пошёл прогуляться по берегу озера. Лёгкий ветерок гнал по воде мелкую рябь. Вечно голодные обжоры чайки кружили над водой в поисках добычи. Время от времени они срывались вниз и, выхватив из глубин зазевавшуюся рыбёшку, устремлялись к берегу.

Я невольно улыбнулся, когда увидел, как недалеко от меня стая белокрылых разбойниц окружила орла и безо всякого смущения атакует повелителя небес. Орёл, тяжело взмахивая крыльями, пытался дотянуть до прибрежных тальников, но внушительных размеров рыбина, болтающаяся в его клюве, сводила все его старания на нет. Чайки же, исторгая победные кличи, прижали гордую птицу к самой земле и вы-

нудили её бросить свою добычу.

– Вот так-то... – с грустью подумал я. – Ни какой орёл не устоит перед коллективной силой.

Пока чайки праздновали свою победу и решали, как поделить праздничной трапезу, из кустов рыжей молнией выскользнула лисица и, не обращая внимания на спор пернатых, подхватила серебристую добычу и юркнула назад. От такой наглости опешил даже я. Оставшиеся с носом, вернее будет сказать, с клювом, чайки, негодуя заверещали. Но их возмущённые крики остались без ответа, лиса во все лапы улепётывала в глубь леса, а орёл отправился выискивать новую добычу.

– Вот жизнь! Старались отбивали добычу, а тут – одна-единственная особь без зазрения совести воспользовалась результатами труда всего коллектива, – сделал я вывод, завершая свои наблюдения, и переключил внимание на одинокого рыбака.

Мальчик лет двенадцати стоял по колени в воде и время от времени удочкой вытягивал из озера жёлтобрюхих раскормленных карасей. Я подошёл поближе. Мальчик скосил в мою сторону глаза и произнёс:

– Хороший рыба, вкусный.

– Вкусная, – поддакнул я.

– Возьми, уху сварить, – простодушно предложил он.

Я поблагодарил рыбака и решил узнать:

– Скажи-ка мне, парень, нет ли у вас в стойбище людей

по имени Михаил?

– Я Михаил из рода Алонки, – радостно улыбнулся мальчик.

Я поперхнулся. Вот-те раз! Первый выстрел и сразу в десятку!

– А как звали твоего отца, вернее деда, – поправился я, прикинув, что если у Алонки родился сын, то он мог быть только дедом этого мальчугана.

– Как и меня Мишкой, – гордо расправил плечи представитель рода Алонки, и ловко сделав подсечку, вытянул на берег очередного карася.

– А знаешь, как звали отца твоего деда? – решил подстраховаться я.

– Так и звали – Алонка, – вновь улыбнулся разговорчивый паренёк, – от него и пошёл весь наш род.

– Есть! – обрадовался я про себя. – Не зря выходит, мы помогали молодому мангрону, проросло и дало всходы брошенное им семя. Теперь целый род носит его имя. На душе у меня стало тепло и уютно.

– А как твой дедушка, жив ещё? – спросил я вслух.

–

Болеет мал-мало, а так ходит помаленьку, – солидно ответил паренёк.

Я взъерошил непокорные волосы мальчугана и повернул назад, пора возвращаться.

Предотправочная суета была в самом разгаре, когда к бе-

регу подошёл мэр Рио де Джуен.

—

Баркасом, однако, не дойдёте, — глубокомысленно изрёк он. — Речка горная, шибко шустрая. Бату

⁵

вам надо.

—

Дак мы с тобой уже говорили, — возмутился Щусь, — Ты сказал что поможешь.

—

Говорили, — согласно кивнул головой Юкуйла, — однако мы про один бату говорили, а вам ещё один надо. Баркас — плохо. Менять баркас надо.

—

Тьфу ты! — сплюнул в сердцах Щусь. — Ну, так меняй!

—

Думать надо, — в узких глазах поселенского головы промелькнула хитрая искра.

— Спирт он у вас вымогает, — усмехнулся профессор.

—

А вот это он не видел! — волосатая кисть старшего лейтенанта сложилась в замысловатую фигуру.

—

Пойду, дел много, — словно бы не замечая реакции офицера, произнёс Юкуйла, — Думать буду, шибко думать.

⁵ Бату — длинная узкая долблёная лодка для плавания по горным рекам.

–

Постой, председатель, – пошёл на попятную Шусь и, перегнувшись через борт баркаса, извлёк на свет божий литровую фляжку со спиртом. – Давай ещё один бат. Дело государственной важности.

–

Пожалуй, дам вам бату, – лицо нанайца оставалось непроницаемым, – Юкуйла понимает государственную важность, – фляжка незаметно испарилась в складках широкой рубахи.

Я внутренне ухмыльнулся. Наивный и доверчивый нанайец переиграл своей непосредственной простотой важного начальника.

И вот погрузка на баты закончена, и под весёлый галдёж местного населения мы отчаливаем от берега. По Сюмнюру пойдём на вёслах, а когда дойдём до Алюра, перейдём на шесты. Ну что ж, с Богом.

Глава 7. БОЙ У ПОРОГА КАЗНЫ

Русло Сюмнюра – это до невозможности извернувшееся туловище змеи, брошенное на землю тунгусскими богами. Ещё из прошлой жизни я знал, что расстояние от озера Болонь до несуществующей пока железнодорожной станции Болонь восемнадцать километров. Вода в это лето стояла маленькая, течение у реки было слабое, и, выгребая против течения, мы преодолели водные километры к сумеркам следующего дня. Следует заметить, что после слияния двух

рек мы заканчивали путь на реке под названием Алюр.

Ночь выдалась звёздная, комары жалили так, что хотелось забраться в студёные воды Алюра и, невзирая на холод, сидеть там до утра. Крупнее и злее комаров, «проживающих» на Болонско-Тайсинской низменности, я никогда не встречал. Мы, осоловевшие от дымокуров, всё равно продолжали жаться к кострам, с ужасом думая о том, когда придётся укладываться на ночь.

Но как бы там ни было, а человек – это такое животное, которое привыкает к любым условиям, в которые окунает его жизнь. Привыкли и мы.

–

Павел Николаевич, – наконец-то решился я задать профессору мучавший меня вопрос. Мы лежали, укутавшись в полог, заменивший нам накомарник, недалеко от костра. – Посвятите бедного арестанта в планы нашего руководства.

–

Я думаю, что для вашего же благополучия этого делать не стоит, – немного смущаясь, что вынужден отказать, вымолвил профессор.

–

Если вы считаете наше нынешнее существование благополучием, то я София Ротару, – усмехнулся я.

– О чём это вы? – удивился профессор.

–

Я о том, что хуже, чем есть, уже не будет. А жить и му-

читься в неведении – это ещё большая мука. Я ведь уже догадался, что никакая мы не изыскательская партия, а шайка авантюристов на большой дороге.

–

Молодости свойственен максимализм, – вздохнул профессор. – Мы не авантюристы, молодой человек, мы вроде... археологов. – И будто убеждая самого себя, добавил: – Да-с, археологи.

– Вы-то сами в это верите?

–

Человек должен во что-то верить, иначе наша жизнь потеряет всяческий смысл, – будто бы оправдываясь, вымолвил он.

– И что же мы ищем?

– Клад, – шёпот профессора стал еле слышен.

–

Пиастры, пиастры, – играя в недоверчивого простака, подзадорил я учёного.

–

Вы можете смеяться, но это действительно так, – шёпот Павла Николаевича стал несколько обиженным.

–

Откуда в этих нехоженных, диких местах могут быть клады?

–

Вы забыли все мои рассказы, – в голосе профессора по-

слышалась укоризна. – Я ведь вам говорил, что некогда здесь бурлила жизнь и кипели страсти.

–

Чжурчжэни? – мой голос от волнения стал хриплым, хотя я уже догадался, что услышу в ответ.

И учёный начал рассказ. Он не замечал моего волнения, не слышал нудного писка комаров, он был там, в том далёком и незнакомом для меня времени. И стало неважно, что поиски сокровищ были государственной тайной. Ведь учёные, впервые наблюдая за ядерной реакцией, не думали о том, что их открытие несёт смерть. В тот момент им был важен сам процесс.

–

Под ударами татаро-монгольских туменов чжурчжэнские отряды медленно скатывались в низовья Амура. В устье протоки Сий, на острове Ядасен и, возможно, на месте стойбища Джуен возвышались их крепости – последние бастионы гибнущей империи. Сюда заблаговременно свозилась императорская казна. И поверьте старому профессору на слово, им было что возить. Восемь лет назад мне в руки попал один очень прелюбопытный манускрипт. Сопоставляя его с другими документами и старыми картами, я пришёл к выводу, что в районе озера Болонь последние воины гибнущей империи укрыли сокровища. Естественно, что спрятаны они не в одном месте. Но мне удалось выйти на след одного из этих схронов.

Шёпот профессора проникал в мозг и наполнял всё моё существо некой эйфорией. В затуманенном сознании слышалось лошадиное ржание, звон мечей и предсмертные крики воинов. В моём сознании просыпалось что-то неведомое, но я не мог понять что. В какие-то мгновения я даже сам мог сказать, где спрятаны эти злосчастные сокровища.

—

Эти сведения каким-то образом стали известны компетентным органам, — между тем продолжал Павел Николаевич. — Кто-то очень заинтересовался моими исследованиями. Так я стал врагом народа, приговор, статья пятьдесят восемь, срок, и вот я здесь.

— Ну и дела, — только и смог вымолвить я.

—

Уже давно, молодой человек, я ничему не удивляюсь, — скорбно вздохнул профессор. — С уходом в небытие империи Российской власть имущие напрочь забыли, что такое элементарная порядочность и честь.

—

Ну, здесь-то я с вами готов поспорить, профессор. Держиморд и хамов хватало и в царские времена, — не выдержал я.

—

Вы совершенно правы, Андрюша, — легко согласился Павел Николаевич. — Возможно, во мне говорит ностальгия, но тюрем тогда было меньше.

Я не стал спорить, потому что не знал, в какие времена

было меньше тюрем, да и в свете последующих событий, о которых я расскажу позже, моё отношение к непогрешимости социалистического строя весьма пошатнулось.

Бодрствующий охранник подбросил в костёр веток и сырой травы. Дымовая завеса вновь отогнала от нас надоедливый гнус.

—

Скажите, Павел Николаевич, а с какого боку припёку в этом деле Щусь? – поинтересовался я.

—

Как с какого? Ведь перед отправкой на Дальний Восток я имел беседу с самим Ежовым. Нарком недвусмысленно намекнул, что если мы не найдём клад, то расстрел будет для меня манной небесной. Но перед этим он позаботится о моих родственниках.

— Вот сволочь! – не сдержался я.

—

И в этом деле он уже преуспел, по наговору, на следующий день после свадьбы, угодил в «Кресты» мой зять, секретарь партийной организации одного весьма солидного научного учреждения. Прделано всё это было с ужасающей жестокостью и цинизмом.

—

Ну, тут-то всё ясно, – горько усмехнулся я. – И повыше секретарей запросто садят.

—

Ведь Наташенька у нас поздний ребёнок. Покойная Елизавета Александровна души в ней не чаяла и перед смертью умоляла меня позаботиться о её будущем. Вот я и позаботился, – сокрушённо вздохнул старик.

–

Бросьте, Павел Николаевич, – успокаивающе произнёс я, – уж вашей-то вины здесь совершенно нет.

–

Не скажите, Андрюша, если бы не моя работа над историей чжурчжэней, то всё бы было иначе.

Я промолчал. Да и как я мог успокоить горем убитого отца. Тем более что я знал об уготованном нам будущем. А из этого следует, что после зачистки будут уничтожены все вольные или невольные свидетели этого дела. Никого не минует сия горькая чаша. В то же время я подумал о подслушанном у дверей «хозяина» зоны разговоре. Неужели эти ребята за спиной у самого главного инквизитора затеяли свою игру? В таком случае им не стоит завидовать, их будущее виделось мне вполне определённо – его у них не было.

–

Павел Николаевич, – нарушил я затянувшуюся паузу, – а ведь нам уже выдали билет в один конец.

– ???

В ответ на откровенность профессора я решил рассказать ему о подслушанном разговоре. Выслушав меня, Павел Николаевич грустно усмехнулся:

–

Вам может показаться странным, но за последнее время я так привык к человеческой подлости, что ваше известие не повергло меня в шок.

–

И что? – глупо спросил я, ожидавший от профессора более бурной реакции.

–

Я выпью свою чашу, – просто ответил старик. – Поверьте мне, оно того стоит.

–

Увидеть сокровища чжурчжэней и умереть, – усмехнулся я, перефразировав известное изречение.

–

Не только. Возможно, вампиры насытятся моей кровью и оставят в покое моих близких.

–

Не думаю, – не стал я обнадеживать профессора. – У вампира под именем «алчность» очень зверский аппетит, и если сокровища покинут своё убежище, то крови прольётся неисчислимое количество.

Я удивился тому, с какой уверенностью были произнесены эти слова. Словно их говорил не человек из двадцатого века, а прожженный авантюрист-кладоискатель, твёрдо понимающий всю опасность нахождения рядом с неисчислимыми богатствами.

—

Но ведь моя Наточка, она совсем дитя, ей-то за что всё это? — голос Павла Николаевича предательски дрогнул.

—

Вы ведь историк и прекрасно понимаете, что в любом деле число безвинно пострадавших на порядок превышает количество пострадавших справедливо.

—

Зачем вы так? — лицо профессора передёрнула мучительная судорога.

—

Затем что не надо жертвенно складывать свою голову на алтарь. Этого никто не оценит.

—

Вы предлагаете бороться? Но, Боже мой, что мы можем?

—

Поживём, увидим. Главное чтобы вы психологически были готовы к борьбе. Поверьте мне, это многого стоит.

Боженко ничего не ответил. Я не стал нарушать наступившей тишины. Лишь костёр трещал волокнами сырой лиственницы и стрелял в непроглядную темень смолянистыми снопами искр. И если бы не раскачивающийся у костра силуэт с торчащим из-за спины ружейным стволом, то ситуацию можно было бы назвать идеалистической.

На следующий день, едва взошло солнце, наш отряд, погружившись на оба бату, непрерывно орудуя шестами, стои-

чески преодолевал отмели и перекаты обмелевшей реки.

Я изредка поглядывал на задумчивого профессора. По всей вероятности, вчерашний разговор задел его за живое. Ну что ж, подумать бывает иногда не лишним.

—

Всё же почему ты решил, что именно эта река, а не Харпи или не какая-нибудь другая, — словно продолжая недавний разговор, вполголоса допытывался у профессора Щусь.

Хотя шум перекатов стремительной горной реки поглощал негромкие звуки, я напряжённо прислушался. Кое-что мне удавалось услышать, кое-что приходилось додумывать.

—

Всё очень просто, — ответил Павел Николаевич, и в его голосе сквозила такая уверенность, что ему хотелось верить, — у местных жителей велика вера в потусторонние силы. В многочисленных своих богов, в злых и добрых духов. Вы заметили, что все переселённые в Джуен аборигены проживали по берегам рек Харпи и иже с ней, и ни одно стойбище не располагалось на Сюмнюре и Алюре?

— И что из того?

—

Я много разговаривал с местными стариками и все как один утверждают, что ещё их предки настоятельно не рекомендовали им селиться в тех местах, так как они прокляты богами и являются обителью злых духов, — голос профессора стал ликующе торжественным от своего открытия, и я уже

догадался, к чему он клонит. Мне стало не по себе, словно Павел Николаевич проник не только в тайну хитроумных чжурчжэней, но и в мою.

Но, до старлея Щуся пока не доходило:

–

Каким образом всё это относится к нашему делу? – он не скрывал своего раздражения.

–

А таким, что кто-то, что-то укрыв там, распространил слухи о проклятой долине злых духов.

–

Тише ты! – зашипел Щусь, настороженно оглядываясь по сторонам.

Моей заинтересованности он не заметил, так как я, преодолевая очередной пережат, самозабвенно орудовал шестом.

–

Теперь вы понимаете, что охраняло то, что мы ищем? – не обратив внимания на шикание старлея, закончил профессор.

Щусь понятливо мотнул головой, а мне стало грустно и обидно за того паренька, который давным-давно нёс ответственность за сохранность императорской казны. Его план, работавший на протяжении многих веков, оказался на грани провала.

Лодка резко качнулась, и чувство самосохранения заставило меня пригнуться вниз. Как всегда, на протяжении по-

следнего времени, это чувство спасло меня от беды. Я находился на корме спиной вперёд и своим шестом придавал лодке значительное ускорение. Однако кто-то из моих напарников, стоящих по бортам, то ли специально, то ли случайно оттолкнулся так, что торчащий из залама, словно пика сук прошёл между Щусем и профессором и едва не воткнулся в меня.

Я посмотрел на членов экипажа. Ясный взгляд каждого из них говорил о беспредельной честности и сочувствии. «Не бойся, не проси, не верь» – эту арестантскую истину ещё никто не отменял, поэтому я им не поверил, однако отметил, что из той четвёрки, что спала рядом со мной во время покушения на берегу у стойбища Джуен, отсутствует Бацилла. Круг подозреваемых продолжал медленно сужаться. Конечно, хотелось бы, что бы он сужался не в результате очередных покушений, но тут я был бессилён.

–

Вы что, сволочи, делаете? – выкрикнул побледневший от страха старлей и от души заехал кулаком в ухо ближайшему к нему зэку. Этим «счастливчиком» оказался Убогий.

Если бы Щусь видел сверкнувшие ненавистью глаза Убогого, то наверняка бы принял дополнительные меры личной безопасности. Такой взгляд – это затаённая месть, от которой пощады не жди.

– Причаливай к берегу! – не успокоился на достигнутом старлей.

На берегу Шусь произвёл частичную рокировку экипажей, и мы продолжили путь. Если бы он знал, кто является причиной его недавно перенесённого страха, то, вероятнее всего, убрал бы из экипажа меня. В дальнейшем всё прошло без эксцессов и приключений, вероятно, неизвестный злоумышленник решил перенести «разбор полётов» на час «икс».

Через трое суток мы добрались до отрогов гор, в моё время в простонародье называемых «Синие сопки». Нависающие над водой скалы внушали дикий первобытный страх перед могуществом сил природы. Помнится, в далёкой, или, будет вернее сказать, ещё не наступившей молодости, я вместе с братьями впервые попал сюда на рыбалку. Вид скал сразу разбудил во мне необъяснимую тревогу и волнение. И в этот раз я ощущал нечто подобное, а внезапно возникшее чувство, что скоро всё закончится, заставляло меня быть настороже. Непонятная аура, витавшая над этими местами, встревожила и моих попутчиков. Я увидел их бегающие глаза и испуганные взгляды, бросаемые по сторонам.

Наконец Боженко что-то вполголоса проговорил старлею и тот отдал команду остановиться. Затем последовала новая команда – обосновывать на этом месте долгосрочную стоянку.

«Вот и прибыли», – с некоторым облегчением подумал я. Мне уже надоело выпутываться из клубка интриг. Поэтому все дальнейшие события воспринимались мною как избав-

ление от накопившихся забот. И как говаривал один мой товарищ, проблемы мы будем решать по мере их поступления.

В течение третьей недели мы вели поиски некоего места, которое, по одному ему известным приметам, должен определить профессор Боженко. Щусь стал в открытую угрожать несчастному учёному всяческими карами. Среди поднадзорного элемента назревал бунт.

Я забыл сказать о том, что в одну из ночей наш бивак посетили лохматые гости, и мы остались почти без продуктов. Медведи основательно прошлись по нашим запасам. Стоявший на посту солдатик был физически унижен старшим лейтенантом, но вернуть наши продукты это не помогло.

Нас здорово выручал нанайский Чингачгук Фёдор, иногда добывая к столу свежее мясо. Но этого было мало. Хотя сентябрь и выдался солнечным, но уже следовало думать и об обратной дороге, ведь тёплых вещей при нас не было.

Раннее сентябрьское утро тысяча девятьсот тридцать третьего года ничем не отличалось от прочих с прохладным туманом таёжных рассветов. Позавтракав на скорую руку, мы отправились рыть шурфы. Команда под руководством старшего лейтенанта Щуся осталась на южном склоне, мы же с профессором и одним конвоиром отправились к северному.

По дороге я вспоминал сон. Видение было настолько реалистичным, что мне становилось страшно, будто всё происходило на самом деле.

Нахмурившееся с утра небо днём разродилось мелким

противным дождём. Я и ещё два зэка, работавших под началом Павла Николаевича, спрятались за каменными глыбами, и ждали, когда догорит подпаленный фитиль и раздастся взрыв.

Если верить увиденному во сне, то сейчас взрыв откроет вход в пещеру, в которую, как это ни покажется странным, я сам спрятал сокровища.

– Как ты думаешь, мы сюда ещё вернёмся? – спрашивала меня ослепительная восточная красавица из ночного сновидения.

– Обязательно, а иначе зачем всё это?

Одетая в золочёные воинские доспехи, девушка улыбнулась и прислонилась щекой к моей руке. Чтобы заглянуть ей в глаза, мне пришлось нагибаться.

– Ты думаешь, Великая империя возродится?

– Я думаю, что мы с тобой возродим её, – я наклонился, а девушка приподнялась на носочках и мы замерли в долгом поцелуе.

– Рваный, гадом буду, ты фитиль ни хрена не подпалил, – раздался недовольный голос Хряка.

Я посмотрел на лежащих рядом со мной зэков.

– Не волосися, парнокопытный! Видишь, дымок вьётся, – последовал насмешливый ответ. – Фитиль сырой, вот и тлеет медленно, но если имеешь жгучее желание, сбегай проверь.

– Это чё, ты в натуре с меня приколы снимаешь? – переважив услышанное, возмутился Хряк. – Какой я тебе парно-

копытный?

– Ну, ты же на своё погоняло откликаешься? Ну вот, а кто такой есть хряк? – проговорил Рваный и, в ответ на последовавшее молчание, подвёл итог: – Хряк есть парнокопытное свинского обличья.

– Ах ты, сучоныхш!..

Раздавшийся взрыв не дал Хряку закончить ответную речь.

Когда поднятые взрывом комья земли, камни рассыпались по склону, а пыль улеглась, мы вскочили и бросились к скале. Перед нашими взорами предстал провал. Раскрыв рты, все стабунились у открывшегося входа в пещеру. Я отошёл в сторону, потому что знал, что мы обнаружим, как только проникнем внутрь. И это знание меня меня основательно пугало.

– Т-твою мать! – выразил общее состояние Рваный и, отбросив в сторону кайло, шагнул к пещере.

– Нельзя! – опомнившись, закричал профессор.

– Да иди ты! – отмахнулся зэк.

– Товарищ солдат, не разрешайте входить внутрь, – закричал Павел Николаевич, забыв от волнения о том, что он, как враг народа, не имеет права говорить слово «товарищ» обращаясь к представителю этого народа.

– Назад! – передёрнув затвор карабина, прохрипел охранник и сделал несколько шагов вперед.

– Хр-рясь! – раздался неприятный звук проламываемого

черепа.

Это Хряк, оказавшись за спиной неосторожного конвоира, опустил своё кайло ему на затылок. Затем, отбросив в сторону орудие убийства, подхватил упавший на землю карабин. Я инстинктивно шагнул к Павлу Николаевичу и отеснил его за большой камень.

– Ты что сдурел? – попытался я образумить Хряка, как только профессор оказался в зоне относительной безопасности.

– А что делать с этим перекусившимся? – Хряк повел ствол карабина в мою сторону.

– Сам знаешь, что братва решила. Замочи, – даже не поглядев в мою сторону, ответил Рваный.

«Вот сволочь!» – успел подумать я в прыжке за тот же камень, где укрывался профессор.

Раздался запоздалый выстрел и пуля, отбив кусок камня и слегка ободрав мой бок, рикошетом просвистела в «молоко». Вот и наступил час «икс».

– Шустрый малый, – гоготнул Хряк и, как палку забросив карабин на плечо, вальяжно направился в нашу сторону.

– Смотри там поосторожнее, – раздалось запоздалое предостережение Рваного.

Так поступать Хряку было очень неосмотрительно. Даром такие вещи не проходят. Самонадеянность очень нехорошая черта, но я не стал объяснять это вооружённому бандиту. Вынул из-за подкладки телогрейки ту самую заточку, кото-

рая могла продлить мой сон навеки. На мгновение выглянул из-за камня и, укрывшись вновь от грохнувшего вслед за этим выстрела, метнул в противника смертоносное жало. Дождавшись характерного хруста разрываемой плоти и и глухого звука падения мёртвого тела, я выскочил из укрытия.

Рванный уже мчался к вновь оставшемуся без хозяина карабину. Но мне было до него гораздо ближе. Уголовник, видя, что катастрофически не успевает, взвыл от досады и метнул в меня самодельный стилет. Я уже был с карабином и, перевернув его прикладом вверх, успел сделать преграду на пути летящей смерти. Рукоятка вонзившегося лезвия нервно задрожала в прикладе. Не целясь, с бедра, я выстрелил в сторону Рваного.

– Ах ты, падла! – взвыл, прикатившийся почти к моим ногам раненый бандюган.

– Попрошу не выражаться, – произнёс я, передёргивая затвор. – У меня очень расшатана нервная система. Вдруг с психу нажму на курок... И в воспитательных целях, якобы нечаянно, потянул за спусковой крючок. Карабин оглушительно рявкнул, и пуля, высекая искры в полусантиметре от виска испуганно сжавшегося зэка, осыпала его каменным крошевом.

– Ой! – я изобразил испуганное удивление. – И вправду! Нервишки-то мои стали ни к чёрту!

– Ну, чё тебе от меня надо? – отталкиваясь одной ногой и локтями, Рванный отодвигался от меня. Я видел в его глазах

испуг.

Вынимая стилет из приклада, я на глаз постарался оценить серьёзность ранения Рваного и сделал для себя заключение: «Рана серьёзная, но если будет вести себя хорошо, жить будет».

– Да всего-то ничего... С чего это вы, братки, вдруг осмелели? Конвоира убили, а это верный вышак.

Рванный затравлено посмотрел мне в глаза и, баюкая простреленную ногу, прошипел:

– Не зря братва говорила, что ты волчара конченный...

– Андрюша, что происходит? – раздался за моей спиной голос профессора Боженко.

Я посмотрел на укрытие. Профессор выглядывал из-за камня, и, по-видимому не собирался покидать этой таёжной «кафедры».

– Идите к нам, Павел Николаевич. Мы тут как раз по этому вопросу с корешом базар ведём. – Я вновь посмотрел на Рванного, – Рожай, смельчак, я жду...

Рванный сглотнул вставший поперёк горла комок и произнёс:

– Бацилла слышал, как этот, – зэк кивнул головой в сторону профессора, – и сука ментовская Щусь шептались о кладе. Мы, как говорится, хрен к пальцу поднесли и скумекали, что вся канитель с экспедицией – полное фуфло. Решили: как только до золота дойдём, мочим охрану и с прикупом за кордон.

– Значит, собрались за кордон, а меня-то зачем было убивать? – я посмотрел ему в глаза.

Рванный взгляда не отвёл. Секунду помолчал, затем сплюнул в сторону:

– Не наш ты поцик, чужой и непонятный, а это всегда опасно.

– Дурак ты, Рванный, опасно кол в берлогу к медведю толкать, а вы, ущербные, только что это сделали, – я плотоядно ощерился. – Так говоришь, сейчас твои дружки должны подтянуться?

– Кончают они сейчас охрану, – взгляд Рваного вильнул в сторону. – Уходить тебе надо, минут через двадцать они подтянутся и вам каюк.

Словно подтверждая его слова, со стороны южного склона послышалось несколько гулких выстрелов. Эхо разнесло их отголоски по всей тайге.

–

Это навряд ли. Потрудиться им придётся, а вы ведь этого не любите. За падлу вам это, поэтому знай – не помогут тебе твои ляхи.

–

А Фёдке что делать, командира? – раздалось у меня за спиной.

От неожиданности я вздрогнул и повернул голову. Там стоял, переминаясь с ноги на ногу, нанайский следопыт Фёдя.

—
А ты откуда взялся, ..ский следопыт? – выматерился я.

—
Стреляли, – совершенно по-саидовски произнёс юный друг природы.

—
Воевать будем, друг мой Федя, – обрадовался я неожиданной помощи.

—
Моя воевать не могли, – неожиданно заартачился нанаец. – Нельзя человеку у человека жизнь отнимать, духи не простят.

—
А вот они, – зло сплюнул я в сторону Рваного, – твою жизнь заберут, даже не поморщатся.

—
— Всё равно – нельзя, грех, – стоял на своём Фёдор.

—
Ну и чёрт с тобой! – не стал я терять зря времени. – Павел Николаевич, ради Бога, заберите это дитя природы с глаз моих и укройтесь с ним в пещере, а я немного повоюю. – Да, прихватите с собой раненного, перевяжите. Хоть кровь остановите...

Пока они укрывались в пещере, я вынул у убитого охранника из карманов запасные обоймы к карабину и принялся выбирать себе позицию. Больше всего подходило вывернутое ураганом дерево. Точнее, воронка рядом с его корнем.

Вполне сносный окоп, а нависающие корни заменяют блиндаж. Я расположился на дне воронки и стал ждать.

Минут через пятнадцать откуда-то сверху послышались возбуждённые голоса, а шум осыпающихся камней сообщил откуда ждать появление неприятеля. Вскоре на опушку леса беззаботно высыпало четверо уголовников. Они весело переговаривались, конечно если отборный мат можно назвать речью.

«Опять самонадеянность, – констатировал я очевидный факт. – Как же вы мне все надоели, авторитеты хреновы!»

Бацилла на ходу воинственно размахивал карабином, а в правой руке Убогого покачивался револьвер, наверное, уже покойного лейтенанта.

–

Хряк, Рваный! – весёлый окликом позвал братков Бацилла.

–

Наверное, уже золотишко делят, – гундосо пошутил Ноздря.

–

Не бзди, нас не обделят, – как всегда, безо всякой эмоции в голосе проговорил Убогий.

Я же приладил приклад карабина к плечу и, исходя из принципа предотвращения наибольшей опасности, подсадил на мушку Бациллу. «Зря ты, парень, позарился на карабин», – подумал я с укоризной, прежде чем спустить курок.

Попавшая в цель пуля толкнула Бациллу на Ноздю, а остальные бросились на землю. Началась позиционная война. Ноздря завладел карабином Бациллы, и на пару с Убогим предприняли попытку обойти меня с флангов. Еще один зэк из четверки остался лежать рядом с Бациллой.

Изредка постреливая друг по другу. Лезть под пули ни кому не хотелось.

Неожиданно со стороны пещеры раздался голос: – Зачем стрелять, зачем духов тревожишь? Людей стрелять, совсем плохо будет.

–

ТЬфу ты, чёрт нерусский! – выругался я от неожиданности.

За моей спиной, на краю воронки во весь рост стоял найский миротворец Федя. Он размахивал поднятыми вверх кулаками, пытаясь наставить на путь истинный неразумных бандитов.

– Ложись! – отчаянно закричал я.

И Федя упал. Но, не потому что послушался меня, а потому что со стороны противника прогремел выстрел.

Я не видел удивлённого взгляда умирающего проводника, не видел как он, медленно перегнувшись в поясе, словно в молитве, уткнулся лбом в землю.

Я в это время качал маятник.

Первой жертвой моих телодвижений стал Ноздря. Неудачно высунувшись из-за укрытия, он, разбрызгивая по камням

мозги, закатился обратно. Убогий riskовать не стал, а просто, вытянув наружу руку, стрелял в мою сторону из трофейного револьвера. Но это его не спасло, а лишь на несколько мгновений отсрочило возмездие. Очень трудно попасть в мишень не целясь, и Ноздря не внёс исключение в это правило. Попал я, когда моя мишень открылась. Пуля прошла навывлет через грудную клетку.

Убогий лежал на спине и, сквозь сгустки крови, сипел:

—

Везучий ты, порчак, заделал ты меня, а мне фарт не выпал... — и, вытянувшись в предсмертной конвульсии, застыл.

—

Ладно, духарик, радуйся — зато твоё ярмо досрочно кончилось. — Вполголоса проговорил я ему и осторожно двинулся в сторону, где ещё укрывался оставшийся в живых зэка. Обшарил кустарник и с удивлением обнаружил, что тот исчез.

—

«Подал заявление зеленому прокурору — это по-блатному, а по-нашему — ринулся в бега через тайгу», — дошло до меня. «Значит не от пули, а от лап медведя или с голодухи окочурится».

—

Это всё оно — проклятие чжурчжэней, — ко мне подошёл белый словно мел Павел Николаевич.

—

Бросьте, профессор, какое проклятие? – пожал я плечами. – Просто всё сложилось так, а не иначе.

–

Столько смертей, столько смертей... – повторял, как заведённый, профессор.

– Будьте мужчиной, Павел Николаевич, прекратите причитать! – Прикрикнул я на него. – Давайте-ка лучше поглядим, за что мы тут сражались, да похороним безвременно усопших.

– Вы не поверите, Андрюшенька, но это превосходит все самые смелые мои предположения, – голос профессора от волнения вибрировал, будто струна. – Вы видите! Посмотрите, уважаемый, на это! Это же...

Переходя от одного к другому керамическому сосуду, изготовленных из серой глины, я равнодушно смотрел на тусклое сияние золотых украшений, богато инкрустированного оружия, на груды шлемов и другого военного снаряжения, великолепно украшенного серебром... Всего было так много, что воспринималось как обычные груды металла.

– Как же всё это мы будем упаковывать? Каким образом вывозить? – сокрушался Павел Николаевич. – А ещё раненый, – он кивнул подбородком в сторону выхода. Там, находясь почти в беспамятстве, ворочался с боку на бок Рваный.

– Не надо ничего вывозить, – неожиданно для себя произнёс я. – Пускай лежит до лучших времён. Не готовы мы ещё к таким дарам.

– А что же мы скажем властям?

– Ничего не скажем. Перебьются.

– А как же?.. – начал было профессор.

– Не беспокойтесь, Павел Николаевич. Вот выручим мы вашу Наталью, – перебил я его, – а потом и разберёмся со всем этим.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, – вновь засуетился профессор, взяв в руки, упакованные в кожаные мешки, какие-то свитки с иероглифами.

– Профессор, вы неисправимы, – досадливо поморщился я.

– Я всё понял, больше не буду, – он положил мешок на место и отряхнул руки от сухой пыли.

Убедившись, что профессор взял себя в руки и успокоился я объявил:

– Вот теперь поговорим о будущем.

Глава 8. ЗЛЫЕ КОЦАЛИ СЛЕДУЮТ ПО ПЯТАМ

Я сидел на берегу реки и бездумно смотрел на мутный поток. Разбушевавшаяся вода несла в своих волнах и целые деревья, и древесный хлам поменьше. Перед этим двое суток разъярённые небеса низвергали на грешную землю нескончаемые водяные потоки. Алюр поднялся и вышел из берегов. Да так вышел, что никак не желал возвращаться назад в своё ложе. Я же сидел и с тоской вспоминал события прошедших дней. Ничего радостного за эти дни не произошло, а наоборот, всё было отвратительно и мерзко, но давайте по

порядку.

Воодушевлённые неожиданно свалившейся свободой, мы с профессором слегка потрясли закрома погибшей империи. Взяли малую толику для дел наших насущных, но и этих драгоценностей с лихвой хватило бы для того, чтобы купить небольшой остров и объявить себя местным императором. Затем заложили оставшийся тол и направленным взрывом завалили вход в сокровищницу. Похоронили погибших. После этого загрузили в один из бату оружие, провиант и раненого Рваного, но, посмотрев на небо, отложили отплытие. Наступающая ночь заставила задержаться до следующего утра. Ничего не предвещало беды, пока нудно сеявший дождь не перешёл в полноценный ливень. Уже к утру следующего дня река угрожающе вспухла и грозно порывивала на обваливающиеся берега.

—

Как же мы поплывём по такой страсти? — озабоченно поглядывал на реку Павел Николаевич.

—

Если мы не выберемся сейчас, то застрянем здесь как минимум на полторы недели. Кроме того, паводок наделает кучу новых буреломов и заторов, — проговорил я, натужно налегая на шест, отталкиваясь от крутого берега. — Так что других вариантов у нас нет.

Рванный, с бледным от потери крови лицом, равнодушно наблюдал за нашими сборами.

–

Слышь, Вурдалак, брось ты меня здесь или лучше пристрели, – просипел он синюшными губами.

– Что жить надоело?

–

Ты чё в натуре прикалываешься или как? Мне за бунт и вертухая будет верный вышак?

–

Это когда ещё будет, а пока живите и радуйтесь каждому мгновению, – поддержал меня Павел Николаевич.

–

А с тобой, глиста учёная, базар совсем другой. От вашей учёности одни беды.

Рванный презрительно оглядел профессора с ног до головы и сплюнул за борт.

–

Отчего же так, молодой человек? – профессор заинтересованно поглядел на зэка.

– Молодые ещё мамкин подол мацают, а я уже готовлюсь перед архангелами предстать, – раздражённо просипел Рванный.

– А с чьей подачи мы здесь? Не по твоей ли наводке изо всей нашей ватаги лишь мы трое ещё небо коптим? – грязный перст вора указал на старика.

–

Весьма интересная постановка вопроса, – рука профессо-

ра беспомощно зашарила в поисках несуществующего галстука.

–

Не слушайте его, Павел Николаевич, это он от бандитской своей вредности, – успокоил я профессора.

–

Уж ты-то, Вурдалак, не чета этой тле интеллигентской. Неужели ты не понимаешь, что при таком прикупе лишних свидетелей не оставляют?

–

Может быть всё, чего и быть не может, и вполне возможно даже то, что совершенно не возможно, – философски заметил я.

–

Тьфу на вас, фраера переобутые! – Рванный раздражённо отвернулся.

После обеда плыть по реке стало намного опаснее. Коряги и бревна, будто торпеды, неустанно атаковывали борта лодки. Управлять вдвоём с беспомощным профессором такой посуды становилось всё сложнее. И вскоре случилось то, что должно было случиться, – после очередного переката нас увлекло в залом. Не успели и глазом моргнуть, как наше судно поднырнуло под нависший над водой ствол и ушло под воду.

Вынырнув на поверхность, я в отчаянии огляделся по сторонам. Никого. Выгребая вниз по течению, я прибился к бе-

регу. Преодолевая навалившуюся усталость и колотившую меня дрожь, я вскочил на ноги и побежал вверх по реке в сторону залома.

– Профессор! Рванный! – кричал я в отчаянии.

Меня пугала мысль о том, что проклятый клад начал собирать жертвы, а я лишь по редкой случайности всё ещё жив. И как я обрадовался, когда в ответ на мои крики из бурелома раздался приглушённый голос профессора:

– Я здесь, голубчик.

Павел Николаевич висел по пояс в воде, обхватив руками толстый сук.

– Плывите к берегу! – крикнул я ему.

–

Не могу, Андрюша, я и в стоячей воде еле плаваю, а здесь... – дальнейшее было понятно без слов.

Я мучительно соображал, что придумать в этой ситуации. До залома было метров десять, но течение бурлило такими водоворотами, что о том, чтобы вытащить профессора на себе, не могло быть и речи. Разбушевавшаяся стихия лишила нас необходимого для таких случаев: ни верёвки, ни топора, чтобы срубить длинный шест. И тут я вспомнил о ноже, что был у меня за голенищем сапога.

– Слава Богу, нож на месте!

Не раздумывая ни секунды, я бегу к кустам и срезаю молодую берёзку.

–

Андрей! – слышу я крик. – Руки окоченели, я их не чувствую.

Я пулей мчусь назад и протягиваю профессору шест.

–

Только крепче держитесь, – как заклинание, повторяю я.

И вот через несколько минут Павел Николаевич на берегу.

Я прижимаю его к груди и ободряюще хлопаю по спине.

–

Ничего, сами выбрались из беды и Наталью вашу вызовим, – говорю я растроганно.

–

Нам бы как-нибудь просушиться, у меня слабые лёгкие, – приводит меня в чувство голос профессора. – А где наш раненый «друг»?

И только сейчас я вспоминаю о Рваном. Поиски, «друга» успехом не увенчались. Сгинул неудачливый вор в холодных водоворотах таёжной реки – констатировал я очевидный факт.

Надсадный кашель профессора напомнил мне о проблемах, касающихся нас. В окружении струй проливного дождя и отсутствии средств для разжигания огня я мог придумать лишь один способ согреться – это бег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.